

18+

Вано Чвангиевич Васильев

Проба пера,
или сказка
о Тилигриме

Вано Васильев

**Проба пера, или
Сказка о Пилигриме**

«Издательские решения»

Васильев В. У.

Проба пера, или Сказка о Пилигриме / В. У. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701971-2

Книга о том, как волшебная сила любви, выраженная с помощью самого прекрасного вида искусств — музыки, способна противостоять и даже предотвратить ничем не оправданное и такое чудовищное явление на нашей планете, как война.

ISBN 978-5-00-701971-2

© Васильев В. У.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	44
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Проба пера, или Сказка о Пилигриме

Вано Ушангиевич Васильев

© Вано Ушангиевич Васильев, 2026

ISBN 978-5-0070-1971-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проба пера или сказка о Пилигриме.

Посвящается моим трём сёстрам, которые являются для меня самыми родными в моей теперешней жизни.

От автора.

Если меня спросят, почему я стал писать эту книгу, то я не смогу дать точный ответ. Его просто нет. Всё возникло спонтанно, по непонятной до сих пор для меня причине. Может быть, это не так уж и плохо? Говорят же, что мысли, возникшие внезапно в человеке, идут из самого сердца, а не из головы. Мозг лишь подхватывает их, анализирует с присущей только ему завидной скрупулёзностью, а потом уже решает обнародовать их, давая им право на существование, или старательно скрыть до поры до времени в недостижимых тайниках ненасытного и бездонного подсознания. Всё со мной произошло именно так, как, впрочем, и с главным героем моего романа. А кстати, можно ли написанную мной книгу назвать романом? Ответа тоже нет. Не будучи профессионалом в писательской деятельности, я не знаю, как подразделять художественные произведения и к какому роду причислить моё. Рассказ, повесть, роман? Ну точно не рассказ — слишком длинный. Что-то среднее между повестью и романом. А ещё лучше — сказка. Сказка для взрослых или, как в наше время популярен и не сходит с уст книголюбов термин, — фэнтези. Жанр, который заполонил просторы интернета, влюбив в себя миллионы поклонников. К сожалению или, быть может, к счастью, эта участь не обошла и меня. Хотя, по большому счёту, главная тема, лишившая меня (уверен, не только меня) покоя в последнее время и которую я в первую очередь хотел отразить в своей книге, — это тема войны и всё, что с ней связано. Поэтому основной целью для меня было не то, чтобы раскрыть и показать причины и сущность этого чудовищного явления на нашей планете (Боже упаси, я слишком далёк от понимания этой вселенской проблемы), а лишь показать своё отношение к ней, присущее не только мне, но и каждому человеку. Но так бывает всегда, и так случилось и в моём случае: основная идея, не в состоянии быть изолированной, потянула за собой другие, не столь глобальные по содержанию, но не менее важные в жизни человека. Тема религии, тема искусства и, наконец, тема любви. Любви необычной и такой, что на первый взгляд кому-то может показаться странной и запретной. Но если учесть, что она возникла благодаря общению в социальной сети, то её необычность сразу пропадает. Общение на сайтах знакомств стало чуть ли не основным в жизни многих людей. Что касается странности и запретности, то согласитесь, эти определения мгновенно исчезают в головах людей с момента появления в их судьбе объектов, являющихся предметом первостепенных желаний и стремлений. Будучи ослеплённым и обезумевшим от обрушившегося на него чувства, человек перестаёт видеть в нём даже малейшие признаки недопустимости, диктуемые моральными принципами общества, в котором он живёт. И лишь сильные духом и чистые душой люди способны противостоять природным инстинктам, в которых чувство, сжигающее их днём и ночью и носящее исключительно эгоистическое желание обладать, заменяется более высоким, бескорыстным стремле-

нием отдавать и жертвовать во имя любви. Именно нечто подобное мне хотелось отразить в своей книге, показывая, как по мере развития сюжета за короткий (около года) промежуток времени происходит становление главного героя, наделённого вначале многими присущими земному человеку чертами характера и свойствами души, и попытка обретения им других, более высоких качеств, так редко встречающихся среди людей. Не знаю, удалось ли мне это или нет. В любом случае судить вам. И ещё: некоторым читателям, знающим меня лично, может показаться, что книга носит автобиографический характер. На это отвечу так: по большому счёту, нет. Но с одной лишь поправкой. По-моему, любое произведение, написанное тем или иным автором, не может быть стопроцентно лишено автобиографичности. Ведь всё подсказанное ему для написания книги черпается не только из окружающего, насыщенного красками реального мира или из не менее богатого на этот счёт мира фантазий, но и из событий, которые произошли и происходят непосредственно с ним в его личной жизни. И наконец, последнее. В книге иногда упоминаются те или иные классические музыкальные произведения. Не сомневаюсь, что они будут знакомы многим читателям. И тем не менее, для того чтобы лучше понять и острее прочувствовать описываемый в книге момент, было бы неплохо прервать своё чтение, чтобы послушать эти произведения, отыскав их во всемирной паутине. Признаюсь, что я сам всегда так делаю. Список музыкальных композиций, упомянутых в романе, указан в конце книги по порядку их появления. Приятного чтения!

Вано Васильев.

*Сто свечей в притихшем доме,
Имя пилигрима на ладони.
Сегодня ты одна,
В доме тишина,
Полная печалится,
За окном луна...*

Генрих Ясан.

Глава 1

Ветер за окном не давал Максиму заснуть. Звуки, которые он издавал, постоянно менялись: от едва уловимого шелеста, похожего на шум листьев, до барабанной дробы — но не ритмичной, а, наоборот, настолько хаотичной, насколько может позволить себе только природа, приказавшая одному из своих слуг лишить Максима сна. Эта мысль о природе показалась ему забавной, поскольку за ней последовал вопрос: а собственно почему всё это происходит? Почему ветер за окном решил, не спросив разрешения, ворваться в мысли, завертеть их в своём круговороте, тем самым безвозвратно лишить его покоя? Ведь говорят, что нет ничего случайного в этом мире. А раз так, может, вовсе и не стоит пытаться заснуть, даже несмотря на то, что завтра надо рано вставать и снова, как прежде, в плохом настроении собираться и идти на работу. И что делать? Ворочаться в постели или набраться решимости и для начала хотя бы вылезти из неё и, свесив ноги вниз, с опущенной головой сидеть и ждать подсказки от замученного бессонницей разума? Как будто подслушав мысли Максима и словно обрадовавшись им, ветер за окном забарабанил новым сильным порывом по стёклам эркера, вынуждая Максима совершить какое-то действие. Он сунул ноги в тапки, накинул халат и поплёлся к окну на беседу с ночным гостем. Склонность к мистике и всяким фантазиям была свойственна Максиму. Поэтому, нисколько не задумываясь о нелепости своих действий, он, обращаясь к ветру, вслух произнёс:

— Ну, здравствуй! Тебе что, тоже одиноко?

— Ага, — ответил ветер за окном.

В свете уличных фонарей и серого неба едва уловимый контур речного берега успокаивал своим постоянством. Ледяного покрова почти не было видно. Но мысль о том, что он никуда не делся, подсказывала, что, в отличие от Максима и ветра, «подруга» Нева крепко спит, совершенно не ведая и не беспокоясь о двух полуночниках, страдающих бессонницей. Очевидно, что причина бессонницы у обоих была разная. А может быть, и нет?

— Ветер, ты почему не спишь? — спросил Максим.

— Мне не положено спать.

— Почему это не положено?

— Потому что я Северный. Моя бессонница хроническая, холодная и бессмысленная. А ты почему не спишь? Уже ведь полночь.

— У себя спроси, — ответил Максим и, резко задвинув шторы, плюхнулся в уже успевшую остыть постель. Мысли, которые минутами раньше не давали ему заснуть, нахлынули с новой силой. Одна цеплялась за другую, третью, четвёртую и так далее. Они вертелись по кругу, повторяясь вновь и вновь. Он пытался поймать главную из них, не дававшую покоя. Вскоре это ему удалось, и он с досадной улыбкой на лице осознал, что она настолько банальна по сути, что лукавить самому себе не имеет смысла. Но от этого становилось ещё обиднее. Может, пойти снова к окну и озвучить эту самую мысль, чтобы ночной собеседник за окном услышал и как-то помог избавиться от неё? Вскочив с постели, Максим снова пошёл к окну, раздвинул шторы и, как ребёнок, совершенно не стесняясь, стал жаловаться Северному ветру.

— Как же я не хочу идти завтра на работу! Почему я должен делать то, чего не хочу? Почему у меня нет возможности беззаботно жить в своё удовольствие, а не работать каждый будний день по принуждению, только лишь для того, чтобы как-то существовать?

— Продолжай, — ответил завыванием ночной странник за окном.

— Нужно погасить ипотеку, потом сделать ремонт во всей квартире, потом ещё накопить капитал, поместить его в банк или вложить в какой-то другой инструмент, приносящий доход. А годы идут, и старость не за горами!

— Твои «проблемы» не оригинальны. Многие так думают и постоянно ноют.

- Что же мне делать?
- Просто ложись в постель. А я тебя убаюкаю.
- Как в детстве мама?
- Угу.

Максим снова лёг под одеяло. А может, ветер прав? Стоит ли терзать себя перед сном пустыми мыслями, которые наверняка не дают уснуть тысячам таких, как он, в многомиллионном, уставшем ночном городе? Утешая себя таким объяснением, он почувствовал, как потихоньку, под завывание ветра, стал проваливаться в сон и снова, как это часто бывает, не уловил момента перехода из реальности в сновидение.

Глава 2

Нарастающая мелодия мобильного телефона на деревянной подставке из магазина «Икея» разбудила его в 6:25. Включив с закрытыми глазами светильник на прикроватной тумбочке, Максим рефлекторно стал двумя пальцами массировать переносицу, обманывая своё тело, пытаясь его разбудить. Как ни странно, в этот раз эффект был быстрым. Он вскочил с постели и с каким-то ранее незнакомым и приятным ощущением за грудиной, шаркая тапками, посеменил в душ. Настроение было на редкость хорошим. Какая-то лёгкость присутствовала во всём теле. Чтобы не спугнуть её, он искусственно стал усиливать это ощущение, пытаясь помешать проникнуть в свой мозг измучившие накануне мысли. Под душем ему вдруг вспомнились обрывки из книги «Трансерфинг реальности», и он улыбнулся. Одна из главных фраз книги звучала примерно так: «Даже если тебе плохо, говори, что тебе, наоборот, хорошо или хотя бы нормально. И далее по несколько раз в день произноси: „У меня всё нормально!“»

Перекрыв воду и взяв полотенце, он неистово стал вытирать им голову и так же неистово вслух произносить:

«У меня всё нормально! Всё идёт как надо!»

Зарядив себя, как ему показалось, положительной энергией самовнушения, всё с той же улыбкой на губах, Максим вышел из ванной, задавая себе вопросы:

«А что происходит? Откуда эта странная эйфория? И куда делся мой негатив, который, как тень, каждое утро всё последнее время сопровождал меня? А впрочем, зачем искать ответы на все эти вопросы? Не лучше ли, как советует психолог в своей книге, просто отдаться новым приятным ощущениям и плыть с ними, будто по волне, лишь изредка соблюдая равновесие раздвинутыми в стороны руками?» Вслед за этим рассуждением ход мыслей Максима неожиданно изменился, и он подумал: а почему бы не попробовать заняться чем-то ещё в этой жизни, кроме медицины? «Но я ведь ничего больше не умею делать. У меня и в мыслях никогда не было научиться чему-либо ещё. Все силы были отданы для того, чтобы овладеть своей профессией, довести свои умения до максимума. И вот это, похоже, свершилось. А что теперь? Может, попробовать сочинять рассказы? Так, уже лучше... Нет, это полный бред. Я ведь никогда этого не делал. Вряд ли у меня получится. Тысячи людей, талантливых и профессиональных в этом деле, занимаются писательством, и только у единиц выходит что-нибудь достойное. Но, может, стоит хотя бы попытаться, а не ныть постоянно и жаловаться окружающему миру? Попробовать хотя бы делать это для себя. Чтобы как-то отвлечься от бытовых проблем и просто получить удовольствие. Надо, пожалуй, вернуться к этим мыслям вечером, после работы. Лишь бы они не растворились, как рассеиваются приятные сны к концу дня». Поставив точку в рассуждениях, он вышел из дома в сторону парковки своего автомобиля.

Глава 3

День на работе, как ни странно, пролетел легко и быстро. На плановой операции всё прошло нормально. Поступлений в стационар было немного. И после работы даже пробки на дороге куда-то подевались. Всё складывалось так удачно, что даже не верилось. Словно небеса решили подыграть Максиму сегодня, лишь бы он скорее вернулся домой к тем мыслям, которые утром так приятно согревали его душу. Так оно и вышло: мысли эти совсем не растаяли, а, наоборот, зазвучали с новой силой, и, увлечённый ими, Максим стал снова их раскручивать у себя в голове.

«Итак, на чём мы остановились? Ага, писать рассказы. Но как это делать? Вот так просто сесть за компьютер и начать печатать первое, что придёт в голову? А почему бы и нет?» И тут он вдруг вспомнил, что буквально несколько дней назад прочёл в интернете на сайте proza.ru одну короткую повесть. Повесть была талантливо написана, читалась легко, но казалась ему незаконченной, словно автор сделал это преднамеренно, для того чтобы у читателя была возможность самому домыслить окончание.

«Может, попробоваться закончить повесть за автора? Нет. Неблагодарное и неблагодарное это занятие. Надо создать что-нибудь своё. И даже если сочинённое окажется неудачным, зато оно будет твоим. Это будет что-то, возникшее исключительно в твоей душе. Или в твоей голове? А кстати, откуда всё это берётся? Как человек начинает творить, придумывать, создавать из ничего что-то очень достойное, интересное, красивое? То, что может понравиться не только тебе, но и другим».

Для Максима это всегда было загадкой. Как, например, пишется музыка? Кто напевает на ушко композитору удивительные в сплетении музыкальные узоры? Действительно ведь говорят, что художнику, писателю и музыканту диктует ангел, которого принято называть Музой. Максиму сразу вспомнился ангел, изображённый на фресках в православных храмах, который нашептывал содержание Святого Писания одному из евангелистов. Наверное, так и есть. Или, по крайней мере, что-то в этом роде происходит в моменты создания человеком прекрасного и неповторимого. Кто-то скажет, что это дано не каждому. Нужен талант — Божий дар! Трудно спорить и не согласиться с тем, что даже талантливым людям порой сложно без подсказки свыше создать нечто неповторимое, уникальное, божественное, наконец.

«Что-то я разошёлся в своих рассуждениях. До божественного творения мне не просто далеко, а, скорее, нереально. Пусть так, но, с другой стороны, как приятно представлять себя творческой личностью, способной придумать то, что никем ещё до тебя не было создано. И при этом быть уверенным, что это происходит не по твоей воле, а под влиянием бестелесного небесного создания. Да, пожалуй, именно так!»

Опьянённый внезапно нахлынувшими мыслями, Максим торопливо сел за свой рабочий стол и с волнением открыл крышку ноутбука. Не прерывая потока мыслей, он робко стал нажимать на чёрные клавиши, боясь спугнуть присутствие невидимого существа, парящего над ним.

«Что я сейчас делаю? Постукиваю кончиками пальцев по кнопкам клавиатуры? Да, так оно и есть. Но я же не могу это делать механически и бездумно, как робот? Безусловно, где-то рядом у моего виска парит мой Ангел, которому вздумалось нашептать мне пару строчек».

От уверенности в происходящем наяву у Максима за грудиной вдруг появилось странное, волнительное ощущение, которое заставило его так же, как накануне в беседе с ветром, вслух произнести:

«Благодарю тебя, мой верный друг! Продолжай, не останавливайся и не покидай меня!»

Из того, что стало происходить дальше, можно было сделать только один вывод: Максим был услышан, поскольку возникшие слова, как мелодии волшебной флейты, стали наполнять его мозг, заставляя торопливо стучать пальцами по гладким пластиковым квадратикам.

Дальше чудеса стали раскрываться в полную силу. Иначе и не могло быть, поскольку рядом, как известно, был Ангел. Слова стали приобретать материальность, постепенно обретая перед глазами Максима очертания всплывающих из ниоткуда живых объектов. Это стало похоже на то, как у художника возникшие внутри чувства и фантазии с помощью кисти превращаются в живописные картины, а у спящего человека мысли складываются в фантастические сюжеты. Но то, что произошло в этот момент с Максимом, не было сном. Скорее всего, это было похоже на изменение сознания, которое позволяло увидеть другой, быть может, параллельный мир в другом времени и пространстве.

Глава 4

По пыльной просёлочной дороге на гнедой лошади медленной поступью двигался одинокий всадник. Вокруг была голая, унылая степь с островками выгоревшей на солнце травы. Повисшую в воздухе тишину нарушал лишь монотонный стук копыт и крик пролетавшей птицы, неожиданно выпорхнувшей из травы. Всадник устал в долгом пути, и поэтому его голова, накрытая капюшоном, склонилась к груди, плечи были опущены, а руки, едва удерживая поводья, с трудом помогали держаться в седле. Имя всадника было Оникс, он был воином — об этом говорили доспехи и тяжёлый меч на его поясе. А ещё он был музыкантом и поэтом, о чём можно было легко догадаться по музыкальному инструменту, который висел у него на плече и тихонько постукивал деревянным грифом по спине, издавая едва уловимый звук встревоженных струн, заглушаемый топотом копыт и дуновением ветра. Под этот убаюкивающий ритм звуков Оникс периодически проваливался в сон. И, как это часто бывает в полусонном состоянии, в его разуме стали появляться всевозможные обрывки размытых образов с нечёткими контурами и короткими бессмысленными сюжетами. Всё это чередовалось с какими-то незнакомыми символами, которые затем постепенно стали приобретать форму букв. Из этих букв стали складываться слова, чудным образом выплывающие из пустоты, которые, наконец, выстроились в бегущие строчки. Сгруппировавшись, они превратились в строфу стихотворения:

*Дорога — извечный удел Пилигрима,
Манит его в туманную даль,
Бредёт одиноко он, солнцем палимый,
А на душе вековая печаль.
Голос Аниты плывёт над холмами,
Струны трепещут под пальцами вновь,
Очи солдат залиются слезами —
Солёно-горячими, как пролитая кровь.*

Текст монотонно повторялся, проплывая перед глазами. Но потом он вновь стал меняться. Строчки стихотворения вытянулись друг за другом в длинную ленту и постепенно превратились в спираль, внутри которой стал появляться предмет продолговатой формы с расплывчатыми контурами. Потом его очертания стали более отчётливыми, и вскоре в нём можно было угадать музыкальный инструмент. Это оказалась лютня, очень похожая на ту, что была у него на плече и которая, продолжая тихо ударять его сзади по спине, издавала едва уловимый, беспорядочный металлический звук. Струны другой лютни, находящейся внутри спирали, тоже задрожали, рождая уже совсем не хаотичную, а стройную и очень грустную мелодию, под которую возникшая пара, словно в анимационном фильме, закружилась в медленном танце. Всё это наваждение, возникшее в полусонном сознании всадника, продолжалось несколько мгновений, а затем стало медленно растворяться в пространстве. Ониксу очень не хотелось просыпаться и тем самым расставаться с необычным видением. Но чем больше он старался удержать его, тем стремительнее оно ускользало от него, пока, в конце концов, окончательно не растаяло в воздухе. От осознания безвозвратной потери, с досадой на душе, он очнулся и стал оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать глазами только что виденную, исчезнувшую картинку. Но вокруг был всё тот же скучный пейзаж с небогатой растительностью и тонкой, стелющейся под копытами коня пыльной дорогой. День приближался к закату, всаднику нужно было найти ночлег, которого по-прежнему не было видно в этом забытом Богом месте. Оникс несколько не тревожился по этому поводу, поскольку ему не раз приходилось весь день быть в седле, и неизвестность, маячившая впереди, была для него вполне привыч-

ной. Но вскоре судьба вознаградила его за терпение. Как только оранжевый диск солнца коснулся горизонта и возникшая прохлада дотронулась до его плеч, Оникс приподнял голову и, к своему удивлению, увидел недалеко едва уловимые очертания конусообразного строения. Похоже, это был шатёр, в котором мерцал слабый огонёк. Потянув за вожжи и почувствовав приятную волну в груди от надежды на долгожданный отдых, он рысью поскакал вперёд. «Что это за шатёр, откуда он взялся и кто в нём? Друг или недруг? Мужчина или женщина? А быть может, злой и коварный дух, посланный ему в искушение?» Встряхнув головой, пытаясь тем самым отогнать от себя наплывшие дурные мысли, он поскакал быстрее к загадочному шатру, совершенно забыв об осторожности. Через несколько минут его цель выросла перед ним так неожиданно, что ему пришлось слегка придержать коня, чтобы не налететь на возникшее перед ним жилище. Когда Оникс остановился, чтобы спешиться, он заметил, как полог шатра от дуновения ветра немного откинулся в сторону, как бы приглашая его войти. Этот знак ещё больше вселил смелости в нашего героя, и он без замедления слез с коня, привязал его к стоящему рядом дереву и решительным шагом вошёл внутрь.

Глава 5

У каждого человека, входящего в незнакомый дом, первое ощущение бывает разным в зависимости от преобладающего органа чувств. Кто-то воспринимает мир глазами, кто-то — на слух. У Оникса доминантным органом чувств было обоняние. Сделав первый шаг на мягкий узорчатый ковёр и войдя в полутёмное жилище, Оникс глубоко вздохнул и сразу же почувствовал приятный запах какого-то благовония. Он закрыл глаза на мгновение лишь для того, чтобы попытаться разгадать этот запах, так неожиданно накрывший его и заполнивший его мозг подобно наркотику. Он решил выделить основную составляющую аромата. Сандаловое дерево! Да, несомненно, это оно, и вместе с ним несколько других, таких же приятных, но мало-знакомых по названию. Может, это мускус, пачули, ладан или мирра? Все эти наименования промелькнули в голове, но тут же забылись, поскольку, открыв глаза, ему пришлось воочию разбираться в окружающей обстановке. Он быстрым взглядом окинул внутреннее убранство жилища, пытаясь отыскать его хозяина. Вскоре ему это удалось. В глубине шатра стоял стол, накрытый белой скатертью. Два красивых деревянных стула с резными спинками примыкали к нему. На одном из стульев сидел старик в светлой одежде. По краям шатра с двух сторон стояли две узкие тахты с подушками вытянутой формы, покрытые бархатом тёмно-вишневого цвета у изголовья и сложенными покрывалами бирюзового цвета с противоположной стороны. На столе стоял глиняный кувшин, деревянная чаша, ваза с фруктами и блюдо с отрезанным ломтем белого хлеба. По углам стояли ещё два маленьких столика с причудливо изогнутыми ножками. На одном из них размещался крупный подсвечник с толстой, медленно сгорающей свечой. По ней сползали длинные, похожие на застывшие слёзы полосы воска. Рядом находилась изящная амфора, из которой струился тонкий дымок с удивительным ароматом, так понравившимся нашему путнику. Здесь же лежала толстая книга в золотом переплёте. На другом столике стоял медный таз с кувшином и белоснежным полотенцем, перекинутым через край. Сладкий аромат и вся обстановка создавали не только ощущение покоя и умиротворения, но и какой-то нереальности, словно это был сон, дивный и загадочный. Окинув ещё раз всё быстрым взглядом, Оникс вернулся к главному персонажу, сидящему за столом, и, не решаясь первым произнести слово приветствия, молча, дабы не разрушить возникшую идиллию, установил свой взгляд на нём. Тот, в свою очередь, тоже не желавший нарушать тишину, рукой указал Ониксу на стул, приглашая присесть. Он быстро отстегнул меч и, сняв лютню с плеча, поставил её вместе с мечом на землю, прислонив к тахте. Затем, поблагодарив кивком головы хозяина за приглашение, сел за стол. Теперь, находясь совсем близко, он мог лучше разглядеть его. Это был старик лет семидесяти с длинными белыми, как снег, волосами и бородой. Голова была обмотана лентой пурпурного цвета. Лицо овальное, с неглубокими морщинами вокруг глаз и двумя бороздами на лбу. Глаза насыщенного синего цвета излучали тепло и притягивали своей силой, как магнит. Губы тонкие, нос прямой, щёки немного впалые, с вертикальными линиями по обеим сторонам. Одет он был в белый хитон, опоясанный кожаным ремнём. Из-за обилия белого в его одежде и контраста с насыщенным цветом глаз у Оникса возникло ощущение редкой чистоты, почти святости, исходящей от сидящего напротив человека. Не хватало только сияющего нимба вокруг красивой головы. И если бы он вдруг возник, то Оникса это бы несколько не удивило. Но чуда не последовало — вернее, оно произошло, но чуть позже и совсем в другой, неожиданной форме. Дело в том, что когда наш герой, привыкнув к окружающей обстановке, попытался произнести слово, ему это не удалось. Его губы были словно склеены какой-то невидимой силой. «Что за напасть! — в испуге подумал он. — Я не могу говорить». Оникс, охваченный паникой, заёрзал на стуле, дотронулся до губ и попытался разжать их пальцами, но безуспешно. Увидев смятение своего гостя, старик слегка улыбнулся, и его глаза стали ещё светлее. Он положил руку на ладонь Оникса. В этот самый момент и про-

изошло второе чудо. Оникс, не отрываясь, смотрел в глаза старика и, видя, что тот молчит, вдруг услышал его голос:

— Успокойся, мы будем беседовать, не размыкая уст, с помощью мысли.

Оникс от неожиданности вздрогнул и задрожал всем телом. «Должно быть, я схожу с ума», — подумалось ему. «Или этот неведомый чародей заколдовал меня?»

— Ты не сошёл с ума, я лишь помог тебе открыть способность читать мои мысли и передавать свои.

— Но как это возможно? Это чудо или волшебство?

— Называй это как хочешь, это уже неважно. Просто прими это и не задумывайся, тебе станет легче.

После этих слов Ониксу и правда стало немного легче. Он вдруг понял, что этот человек обладает такой силой убеждения, при которой не имеет смысла возражать, а надо просто поверить, признать сказанное им как факт и расслабиться. Он так и сделал. И сразу же страх и волнение улетучились в одно мгновение, а на душе стало легко и свободно.

— Ну вот и хорошо, вижу, что ты меня понял. Продолжим? — мысленно спросил старик.

Оникс молча кивнул в знак согласия.

— Кто ты? И как твоё имя?

Чудеса вновь продолжились. Вместо того чтобы назвать своё настоящее имя, наш герой вдруг неожиданно для себя ответил:

— Меня зовут Пилигрим. Я воин и певец. А как твоё имя?

— У меня много имён, но чаще всего я известен под именем Серафим.

— Но кто ты, Серафим, и как ты оказался в этом глухом месте? Откуда этот шатёр и всё остальное? — жестикулируя, спросил мысленно Оникс.

— Ты меня позвал, вот я и возник на твоём пути.

— Я тебя позвал? Разве? Что-то я не помню, чтобы кого-то звал.

— Ну как же, а твои стихи под пение лютни? И ещё твоё желание найти ночлег.

Оникс вдруг вспомнил, как совсем недавно в полусонном состоянии ему привиделись строчки стихотворения, которые в форме спирали кружились вместе с лютней в воздушном танце. Похоже, его туманные мысли, возникающие в столь странном состоянии, способны материализоваться.

— В моих стихах не было твоего имени.

— Верно, зато там было твоё имя. Ты ведь Пилигрим?

— Да, наверное, — неуверенно ответил Оникс.

— Ну так вот, а я всегда являюсь тем, кто так себя называет.

— Но...

— Ты хочешь сказать, что у тебя было другое имя?

— Вот именно. Меня все знают под именем Оникс.

— Что ж, теперь у тебя будет второе имя. Вернее, оно у тебя уже было, ты просто не знал об этом. И оно не случайно явилось тебе в этот раз. В мире ничего не бывает случайным. Всё, как известно, закономерно. Надеюсь, ты знаешь, что означает имя Пилигрим?

— Слышал что-то об этом. То ли странник, то ли скиталец. Так ведь?

— И то, и другое. А ещё паломник, певец, путешественник, путник в поисках истины. Главные спутницы Пилигрима — Мечта, Надежда, Вера и ещё...

— Любовь?

— Несомненно, Любовь и Молитва. И, наконец, Дорога, которая ведёт его к своей цели, никогда не покидает и не предаёт, являясь для него одновременно наставником и другом.

— Но я никогда не считал себя таковым. Я всегда был в первую очередь воином, а потом уже странником.

— А как же это? — спросил старец, кивнув на лютню.

- Это лишь увлечение. В моменты отдыха от войн я иногда пою людям песни.
- Так что для тебя важнее: меч или лютня?
- Это разные вещи. Меч — это оружие, а лютня — это...
- Что?
- Ну, она больше для души. Её не используешь в бою.
- Разве? Неужели лютня не может быть оружием? — удивлённо спросил Серафим.
- Конечно же, нет, — усмехнулся Оникс. — Кто же ею будет пользоваться во время битвы?
- Ах да, война, как я мог о ней забыть? А скажи мне, мой дорогой друг, зачем она нужна?
- Что?
- Ну, война.
- Как зачем, чтобы убивать врагов.
- А зачем их убивать?
- Затем, что они враги.
- А мы для них кто?
- А мы? Ну, выходит, что мы для них тоже враги.
- Получается, что враги убивают врагов?
- Получается, что так.
- Но это бессмыслица.
- Почему?
- Потому что кругом, куда ни глянешь, везде одни враги. Что же, хороших людей совсем не осталось?
- Ты меня сбил с толку, старик.
- Неужели? Не думаю. А представь: что если всех врагов и с той, и с другой стороны превратить в друзей? Тогда и убивать никого не надо. И тогда не будет войн. Все станут любить друг друга.
- Это невозможно.
- Почему?
- Войны были всегда и всегда будут. Так уж устроена природа человека, которому всегда чего-то не хватает. И даже когда, казалось бы, всё необходимое у него есть, зависть — этот вечный и презренный порок — не даёт покоя душе и заставляет человека творить злые и нехорошие вещи.
- Всё верно говоришь. Смею тебе напомнить, что, к сожалению, это не единственный порок, заставляющий, как ты только что выразился, совершать злые и нехорошие поступки. Но об этом как-нибудь в другой раз. Расскажи мне, как и за что ты воевал и, как видно по тебе, собираешься ещё воевать?
- Как за что? За родину, за своих близких и родных!
- А разве им что-то угрожает? Или, быть может, на вас кто-то напал?
- В данный момент никто не напал. Но могут это сделать. Потому что раньше это делали. Поэтому с ними надо покончить прежде, чем они пойдут на нас.
- Должно быть, они так же думают, как и ты, поэтому непременно нападут. А тебе не приходило в голову перестать думать об угрозе нападения? Может, они последуют твоему примеру и тоже перестанут воспринимать тебя как потенциального недруга? И тогда вы перестанете быть друг другу врагами, а потом, глядишь, станете друзьями.
- Это утопия, старик. Так никогда не было и не будет!
- Никогда не говори «никогда». Знаешь такую фразу?
- Слышал, но не понимал её смысла.
- Что ж тут непонятного. Человеку не ведомо, что с ним будет завтра, а тем более через год или два или двадцать лет, и поэтому утверждать, что чего-то никогда не будет, по меньшей

мере глупо, а по большей — безрассудно. Но сейчас не об этом. А вот о чём. Может, стоит вместо меча взять в руки лютню? И использовать её как оружие? Но только не для войны и разрушения, конечно.

— А для чего же?

— Для мира, любви, добра и созидания! Ведь истинный смысл этих понятий не так уж нов, согласись.

— Соглашусь, но вот только всё это почти никогда не срабатывало.

— Ключевое слово — «почти». Может, за него и надо зацепиться?

— Но как?

— Очень просто. Надо только начать. Ведь кто-то должен быть первым. А того глядишь, за ним последуют и другие.

— Вот просто взять в руки лютню и играть на ней?

— Да, именно так. Но только не просто играть, а ещё и петь. И музыка, и слова должны быть вместе. Они должны быть неразлучны в едином танце. Так же, как в твоём сне были неразлучны лютня и окружившая её строка стихотворения.

После этой фразы Серафим снова улыбнулся и посмотрел Пилигриму прямо в глаза, вновь наполняя его душу каким-то ранее неизвестным теплом.

«Значит, он и про сон мой знает? И сейчас, в эту секунду, читает мои мысли. Удивительный старик! Но почему мне так хорошо и свободно с ним? Почему все страхи и тревоги исчезли одновременно, а вместо них такой желанный мир и покой на душе? Может быть, всё это сон? Ведь только во сне бывают подобные ощущения».

— Могу ли спросить тебя кое о чём, Серафим?

— Спрашивай.

— Зачем ты связал мои уста?

— Затем, чтобы слушать твои мысли, которые идут из сердца, а не слова, которые идут от разума.

— А разве мысли рождаются не разумом?

— Нет, только сердце, которое многие называют подсознанием, рождает искренние мысли, а разум, он же сознание, с помощью уст превращает их в слова, лишая тем самым правдивости. Ты разве никогда не замечал, что первая, возникшая в сердце мысль бывает самой верной и правильной? И стоит только разуму вмешаться, внести в неё свои поправки и сомнения, как сразу мысль перестаёт быть чистой. Она, как блестящая обёртка, может выглядеть красивой и умной в виде фразы, но в ней уже нет той первозданной глубины и силы и, самое главное, правды.

— Да, пожалуй, ты прав. Я часто замечал это. Порой стоит мне почувствовать сердцем, что надо сделать именно так, а не иначе, как вдруг сомнения, посылаемые разумом и возникшими умозаключениями, превращают мечты в серую реальность или любовь в холодный расчёт. Но ведь простым людям не дано читать мысли, исходящие из сердца, и общаться без слов?

— И слава Богу.

— Почему же?

— Потому что не все мысли, исходящие из сердца, могут быть добрыми.

— Но ведь ты сказал...

— Я сказал, что эти мысли искренние, но не более того. Это вовсе не означает, что они всегда добрые. Каковы сердце и душа, таковы и мысли. И лишь разум маскирует их и выдаёт в виде слов, произносимых человеком.

— Теперь я тебя понял. А скажи мне, пожалуйста, смогу ли я и дальше читать мысли других людей или это происходит только благодаря тебе?

— Это происходит благодаря мне, но это не означает, что ты не сможешь применить это по отношению к другим людям. Нужно будет только захотеть этого и открыть своё сердце первым тому, с кем ты будешь общаться.

— Но чем я заслужил получить от тебя такой дар? Я ведь простой воин и путник, каких много на этой земле.

— Пока ничем, но ты можешь это сделать, пообещав мне кое-что.

— Я готов. Но что именно?

— Перестань быть воином и стань настоящим пилигримом. Оставь свой меч и вместо него возьми в свои руки лютню для того, чтобы с её помощью нести людям только мир и любовь. Тогда, быть может, на местах, по которым ты пройдёшь, будет меньше войн.

— Но как это возможно? И смогу ли я?

— Сможешь, если только захочешь и поверишь в это! Я же наделю струны твоей лютни такой силой, которая будет останавливать любые войны, а слова твоих песен будут делать злые сердца добрыми и вместо ненависти вселять в них любовь. Тогда в твоей жизни многое изменится.

— Что же?

— Многое, и в первую очередь ты сам, а потом и другие люди, которым суждено будет встретиться на твоём пути.

— А когда это произойдёт?

— Скоро. Всё зависит от того, как быстро ты примешь решение, последовав моему совету.

Сила убеждения его была настолько велика, что Оникс, не задумываясь, ответил:

— Я согласен, хоть и не уверен, что у меня получится.

— Вот и хорошо. А сейчас отведай вина и хлеба, они придадут тебе сил и очистят твою душу от остатков сомнений и страхов.

Сказав это, Серафим подвёл Оникса к столу с медным кувшином и тазом и стал поливать ему на руки. Оникс освежил лицо и помыл руки прохладной чистой водой, а затем вытер их полотенцем. Они снова сели за стол. Серафим привычным движением отломил кусок хлеба и протянул его Ониксу, затем налил в чашу из глиняного кувшина красное вино. Вкус хлеба, терпкого вина и вид фруктов напомнили Ониксу его юные годы и любимого отца, который, бывало, в жару после изнуряющей работы в поле с улыбкой на лице подходил к нему и о чём-то спрашивал. Оникс, в отличие от отца, не любил копаться в земле. Вместо этого он сидел в тени дерева и читал книгу. Отец часто держал в руках сорванные только что с дерева фрукты и протягивал их ему, так же как Серафим только что предложил ему хлеба и вина. Это неожиданно нахлынувшее воспоминание из детства так взволновало его, что он глубоко вздохнул, едва сдерживая накатившую слезу. Серафим, прочитав его мысли, решил прийти ему на помощь:

— Ничто не делает мужчину сильнее и мудрее, чем привязанность к отцу. И ничто так не делает его сердце добрее, чем любовь матери! Тебе надо отдохнуть. Скоро утро...

Глава 6

Резкий звонок мобильного телефона вырвал Максима из творческого транса и вернул в реальность. Звонил его приятель Андрей. С неохотой и нескрываемым раздражением Максим провёл пальцем по зелёному символу на экране мобильного.

— Алло, Макс, привет, как дела?

— Нормально, — хрипло ответил Максим.

— Ты что, спал?

— Да нет.

— А что голос такой?

— Долго не разговаривал.

— А, понял. Ты смотришь новости?

— Нет, а что там?

— Ну ты даёшь! Наши новое оружие применили в Днепропетровске. Теперь они попляшут. Не фиг по нам ракеты пиндосовские выпускать. Вся Европа теперь будет «писать лимонадом» от страха. Включай быстрее телик, там ещё говорят в новостях об этом. Давай, пока, созвонимся.

Максим нехотя потянулся за пультом телевизора и нажал на кнопку. По федеральному каналу на фоне повторяющихся видео со вспышками в ночном небе, похожими на атаку НЛО, бесстрастным академическим голосом дикторша сообщала об успешном применении нашего нового оружия, не имеющего аналогов в мире. Максим, ещё не успевший до конца выйти из своего нового, никогда ранее не испытываемого им состояния, тупо смотрел на экран и с трудом воспринимал происходящее. Картина со странствующим всадником и белым волшебником туманной дымкой ещё парила в его голове, сохраняя тем самым ощущение эйфории и блаженства. Но неотвратимая реальность, которая так резко навалилась на него, неумолимо отнимала созданную из, казалось бы, ничего фантазию, возвращая в серую жизнь. Максим, чтобы не упустить ускользающую из рук тонкую нить, связывающую его с новым, другим миром, выключил телевизор, швырнул пульт на кровать, сел в крутящееся кресло перед ноутбуком, поднёс пальцы к клавиатуре и замер в ожидании новых мыслей и появления новых картинок в голове. Но ничего не происходило. Абсолютно ничего. Только мигающий курсор на белом фоне монитора. Муза покинула его, словно её вообще не было. «Что же дальше с Пилигримом и Серафимом?» — лихорадочно произнёс он вслух. Но ответа не возникло. Ни внутри, ни снаружи. Полный штиль. От охватившего его отчаяния Максим схватился руками за лицо и лихорадочно стал водить пальцами вверх и вниз, пытаясь разбудить потухшее вдохновение, которое совсем недавно так баловало его. Похоже, придётся смириться с неизбежным. Максим прекрасно понимал это, но в силу своей природной несмелости не хотел в этом признаваться. Всё, на что ему хватило сил, — это закрыть программу и перейти в интернете на одну из социальных сетей. Войдя в ленту на своей страничке, он стал равнодушно пролистывать её вниз, стараясь отвлечься от расстроивших его мыслей. В какой-то момент его внимание зафиксировалось на застывшем домашнем видео с изображением семейной пары, поющей под гитару. Максим машинально кликнул на воспроизведение, и картинка на экране ожила. Из динамиков зазвучала песня, которая сразу же очаровала его, а затем постепенно стала вводить в состояние странного возбуждения. В песне не было ничего особенного, она была достаточно известна, и Максим не раз слышал её раньше в исполнении профессиональных певцов. Дело было не в самой песне, а в том, как и кто её исполнял. Женщина, поющая песню, вкладывала в неё всю душу и страсть. Народная манера исполнения с характерным высоким надрывом голоса в конце строки вызвала в Максиме ни с чем несравнимое ощущение. Забыв обо всём на свете, Максим буквально впился взглядом в лицо этой женщины, чувствуя, как оно его заво-

раживает. Каждый раз, когда женский голос звучал высоким, надрывным тембром, Максим чувствовал, как дрожь пробегает по всему телу, а в груди появляется томительная, необычайная по характеру волна тоски и эротического возбуждения. Максим не мог оторвать взгляда от лица этой женщины, чувствуя при этом сильное, давно не испытываемое влечение к ней. Как только песня заканчивалась, он ставил её снова, не в состоянии заставить себя оторваться от наваждения, поглотившего его целиком. Что же так очаровывало его? Лицо? Голос? Взгляд женщины, устремлённый на мужа? Максим не мог и не хотел находить ответа на эти вопросы. Он с наслаждением смотрел на экран, словно заворожённый, и как губка впитывал мелодию и голос поющей женщины. Наконец, в какой-то момент, найдя в себе силы, он нажал на паузу, откинулся в кресле, закинув сложенные ладони за голову, и закрыл глаза.

«Боже, как она хороша! Как она поёт! Сколько страсти и сжигающей тоски в этом голосе! Всю душу выворачивает!» — шёпотом произнёс он.

Весь оставшийся вечер он не находил себе покоя, прокручивая в голове видео и лицо женщины. Потом, понимая всю ненормальность происходящего, он решил отвлечься и включил телевизор. Но навязчивые мысли об околдовавшем его образе возвращались вновь и вновь. Не в силах сопротивляться охватившей его одержимости, он снова зашёл в сеть и, набравшись смелости, перешёл на страничку с её фотографиями. На её странице, кроме фотографий, было размещено несколько видео, в которых она пела другие песни со своим мужем. Максим с упоением их пересматривал, чувствуя, как облик понравившейся ему женщины проникает в него всё глубже и глубже, пленяя не только тело, но и душу. Чувство это было внезапным, острым и всепоглощающим. Но из информации, полученной им на странице, Максим почти сразу же понял, что это чувство совершенно безнадёжно по своей сути. И, тем не менее, ошеломлённый страстью, он решил написать ей письмо, нисколько не думая о последствиях. Ему необходимо было найти выход накопившимся внутри эмоциям. Но, боясь напугать ими ничего не подозревавшего человека, он постарался максимально уменьшить чувственную составляющую своего послания. Поэтому в письме он выразил своё восхищение, делая акцент на великолепном исполнении и на чудесном голосе. К своему удивлению, ему сразу же ответили, но не текстом, а голосовым сообщением. Услышав так неожиданно её голос, Максим весь затрепетал, словно она находилась рядом с ним. Голос у неё был низкий, а манера говорить очень простая, с провинциальным оттенком, без пафоса и всякого смущения. Она, как и полагается в таких случаях, благодарила Максима за лестные отзывы и сразу же пригласила его в «друзья». Диалог между ними продолжился недолго, поскольку Максим боялся быть навязчивым, а его собеседница, очевидно привыкшая к комплиментам в свой адрес, так же неожиданно, как и начала, вскоре закончила разговор. Смешанные чувства охватили Максима. С одной стороны, он был ошарашен и обрадован так нежданно свалившимся на него приятным знакомством, но с другой стороны, ему стало бесконечно грустно из-за уверенности в том, что у него нет никаких шансов на ответное чувство. Во-первых, она была замужем и, похоже, счастлива в браке, судя по тому, как они красиво поют вместе и смотрят друг на друга во время пения. Такая гармония может быть только от большой любви и сильной привязанности друг к другу. Во-вторых, у неё взрослые дети, счастливая и дружная семья, и никакая сила не заставит её поменять семью ради чего-то другого, чем бы это ни было. Поэтому она так легко ответила на письмо Максима, уверенная в том, что ей написал не охваченный внезапной влюблённостью мужчина, а обычный любитель народных песен, которыми пестрит весь интернет. Поток умо-заключений, ужасающих по своей безнадёжности и обрушившихся на бедного Максима, не только не остудил его разум, но с новой силой воспламенил его, превратившись, как это часто бывает, в навязчивую идею.

Глава 7

Проходили дни, и с каждым днём огонь любви, возникший в Максиме, не думал угасать, а разгорался с новой силой. Каждую ночь перед сном он думал о ней, рисуя нереальные картины возможного знакомства с Антониной Николаевной. Именно так её звали. Он почему-то не хотел в своих фантазиях обращаться к ней без отчества. И не только потому, что она была чуть старше его, но и потому, что, называя в своих мечтах её строго по имени и отчеству, он как бы подчёркивал её недоступность и недостижимость, подпитывая тем самым своё больное чувство. Оно сжигало его изнутри. Он понимал это, но ничего поделать с этим не мог. Иногда перед сном его посещала слабая надежда на то, что утром ему станет легче, мысли о ней притупятся, но каждый раз, просыпаясь в своей постели, через несколько мгновений разум включал воспоминание о ней, и охваченный нежным чувством несчастный Максим с глубоким вздохом и трепетом вслух произносил её имя: «Антонина Николаевна!»

Он продолжал жить в безнадёжных мечтах, и только работа ненадолго отвлекала его от бредовых мыслей, которые периодически всплывали в его воспалённом разуме, вызывая внутри смешанное чувство грусти и удовольствия. Образ Антонины Николаевны глубоко врос в его сознание, и ему казалось, что она тоже думает о нём и мечтает о встрече так же, как и он. Любовь, как известно, слепа, а безответная — слепа вдвойне. Ничто не сможет погасить её сразу и тем самым облегчить мучительные страдания. Никакие логические доводы и разумные измышления окружающих о том, что полюбившийся объект, по сути, ничего собой не представляет, не заставят тебя от него отказаться.

Максим стал больше узнавать о ней из её странички. Помимо врождённого таланта и красивого голоса, у неё была очень самобытная манера исполнения народных и шлягерных песен, не похожая на другие. Но странно, что помимо природного таланта и обаяния, исходящих от этой женщины, Максиму иногда внезапно открывались и другие качества, которые отнюдь не украшали её. Обсуждения и комментарии к разным видео в интернете, в которых она часто участвовала, говорили о том, что она не особо дружит с грамматикой русского языка. А в некоторых строчках присутствовали откровенные выражения, которые нельзя было назвать приличными в интеллигентных кругах. Эти неожиданные открытия поначалу, если не пугали, то, по крайней мере, удивляли его, но вскоре он перестал обращать на них внимание, поскольку страсть, поглотившая его, с лёгкостью отметала мнимые, как он считал, недостатки его идеала. И ему было совершенно наплевать на то, что он понял причину того, почему те редкие письма, которые она ему присылала, были в звуковом формате. Боясь, очевидно, совершить грамматическую ошибку, она предпочитала проговаривать свои сообщения на микрофон. Часто думая о ней в такие минуты или подолгу разглядывая её фотографии, он пытался себе объяснить, чем она могла его так пленить, и не находил ответа. Ничем особо не примечательная внешность, личико вполне обычное, простоватое, небольшие глазки, немного вздёрнутый носик, полноватая фигура. И тем не менее он совершенно потерял голову из-за неё. Его чувства носили совершенно необъяснимый, всепоглощающий характер и достигали высшей точки, когда в редкие минуты, не выдерживая накала чувств, он включал видео с её пением, которое буквально вырывалось в его жилище. Её голос, эти надрывы в конце высокой ноты сводили его с ума. Все кажущиеся недостатками черты её внешности, предполагаемый им невысокий уровень образования и, возможно, непростой характер исчезали как по волшебству. В такие минуты Максим был уверен, что этих недостатков просто не существует. Он видел перед собой любимый образ, идеал! И ничего и никого не хотел видеть вместо неё. Как же всё-таки влюблённый человек склонен к тому, чтобы возвеличивать объект своего стремления! Истинная правда, когда говорят, что нет более жалкого, несчастного и глупого зрелища, чем охваченный любовным влечением мужчина. Он становится слепым и безвольным существом. А если представить, что Мак-

сим ещё был, по сути, глубоким мечтателем, то тогда его участь была предрешена. Кто более несчастен и безнадёжен, чем идеалист? Только влюблённый идеалист. В душе он понимал, что ситуация, в которой он оказался, была тупиковой. У неё нет будущего. Вернее, есть будущее, но не со счастливым концом. И, несмотря на это, он отчаянно пытался как-то построить отношения или хотя бы проложить тонкую тропинку к сердцу той, которая лишила его покоя. И кто бы посмел винить его и запретить ему это делать? Никто! Тогда возникали другие вопросы: что могло сблизить этих двух чрезвычайно разных по многим качествам людей? Что могло быть общим у них? Ответ тоже был очевиден: только одно — музыка! Надо отметить, что Максим был очень музыкальным человеком. И, несмотря на то что ему так и не удалось по глупости и лени в своё время окончить музыкальную школу, о чём он глубоко жалел всю свою жизнь, Максим был сильно влюблён в музыку. Это природное свойство, доставшееся ему от матери, на протяжении всей жизни оказывало на него сильное влияние. Всё многообразие окружающего мира, его красоту, характеры и качества людей, встречавшихся на его пути, он рассматривал сквозь призму музыки, которая была его любимым видом искусства. Конечно же, он любил и литературу, и живопись, и скульптуру, и архитектуру. У него был неплохой вкус, и поэтому он по достоинству мог ценить красоту окружающего мира и мира искусств. Но от музыки он получал не просто удовольствие, с ней у него было ни с чем несравнимое единство и родство. Без музыки, в любых её проявлениях, он не мыслил своего существования. Определённо высшим достижением музыкального гения он считал классическую музыку, которая оказывала на него самое сильное воздействие. И если на заре своей юности он считал, что нет ничего прекраснее фортепианных произведений, особенно в соединении с оркестровой музыкой, то позднее, по мере взросления, он, к своему удивлению, обнаруживал, что начинает понимать и симфонические, а затем и оперные шедевры великих зарубежных и русских композиторов. Влюблённость в фортепианные вальсы и ноктюрны Шопена сменялась погружением в мир сонат Бетховена и Моцарта. «Лунная» и «Патетическая» сонаты заставляли воспаляться его сердце, затуманивая легко восприимчивый разум, а третья часть 17-й сонаты под громким названием «Буря» вводила его в состояние необычного волнения, больше похожего на ощущение безнадёжной любви, чем на проявление стихии под одноимённым названием. Концерты для фортепиано с оркестром Моцарта он считал эталоном, а оперные арии великих итальянцев превозносил до небес. Один из красивейших городов мира, в котором он жил, был для Максима постоянным источником вдохновения, потому что, помимо архитектурных шедевров великих зодчих, мостов, каналов и набережных, он подпитывался возможностью посещать концертные залы, где звучала его любимая классическая музыка. Главным таким местом для Максима был, конечно же, Большой зал филармонии. Каждый раз он переступал порог этого прославленного заведения с особым пиететом. Концертный зал восхищал своим внутренним убранством: красные бархатные стулья, окаймлённые деревом, выкрашенным в белый и золотой цвета, вызывали восторженное умиление, а огромные люстры, свисающие с потолка и переливающиеся разными цветами, поражали своей поистине царской красотой и небывалым блеском. Максим никогда раньше не видел таких люстр и поначалу немного робел перед их великолепием. Когда ему приходилось сидеть в партере, он постоянно поднимал голову, чтобы любоваться ими до начала представления. Если это был фортепианный концерт, то Максим предпочитал сидеть в левой части партера, чтобы видеть руки пианиста, а не лицо. И не потому, что они притягивали взгляд своей безумной техникой и красотой движения, а ещё и потому, что ему казалось: именно руки с длинными тонкими пальцами являлись волшебным проводником сквозь время между талантом исполнителя и гением композитора, который много лет назад, исключительно по велению Божьему, сочинил произведение, пережившее века. И самое главное: красота и магия этого произведения, по его мнению, никогда не исчезнут, по крайней мере, до тех пор, пока существует человечество. Да, именно так высокопарно он рассуждал и не мог иначе, поскольку был не только романтиком, но ещё и философом-меломаном. Каждый поход

в Большой зал филармонии, в театр или в оперу для него был событием, вернее, маленьким праздником. Но, к сожалению, в последние годы посещение храмов музыки и искусства стало для Максима редким событием по независящим от него причинам. Однако он никогда не терял связи с классической музыкой. Это было физически невозможно, слава богу, благодаря интернету, где в любой момент можно отыскать то или иное произведение, о котором вдруг напомним какое-нибудь событие в жизни или попросит душа. Но, что удивительно, Максим любил не только классическую музыку. Возводя её на первое место, он ни в коей мере не умалял достоинства других музыкальных жанров. По-другому и быть не могло. Ему нравилась и современная музыка, если, конечно, она была талантливо написана и исполнена. Он очень любил джаз и блюз, электронную, этническую музыку с фольклорными мотивами. И, конечно же, русская народная песня не могла не найти уголка в его душе. Поэтому не было ничего удивительного в том, что пение Антонины Николаевны произвело на него такое впечатление. Может быть, в этом и была причина столь неожиданно обрушившегося на его несчастную голову потока чувств. Но, впрочем, он и не собирался искать причину случившегося с ним. Он просто любил, причём любовью безумной, страстной, вожденной. Это была любовь безрассудного человека, который, несмотря на все возникшие вместе с ней запреты, пытался найти выход из сложного лабиринта, созданного им самим. А выход, по его мнению, был только один: любыми путями понравиться, стать хоть чуточку интереснее для объекта его мечтаний и тем самым приблизиться к нему. «Она очень любит петь», — рассуждал он. «Но ведь я тоже немного пою». И это было правдой. Несмотря на то что у него не было музыкального образования, он, как и многие из его поколения, умел немного петь и играть на гитаре. Его пение не отличалось чем-то особенным, поскольку голос, скажем честно, у него был не самый сильный, но в его пении было то, что могло привлечь внимание противоположного пола. Раньше, когда ему приходилось брать гитару в руки, неискушённая публика, окружавшая его, по каким-то причинам начинала проявлять к нему интерес. Он сам не до конца понимал этого. Возможно, это происходило оттого, что он пел не столько голосом, сколько душой? А это, как известно, немалый аргумент в пользу того, чтобы кому-то понравиться и даже больше, а именно — увлечь аудиторию. Но здесь присутствовало одно небольшое препятствие. Дело в том, что в силу отсутствия особых вокальных данных репертуар его песен был соответствующим и совершенно отличался от песен в исполнении Антонины Николаевны, которая могла себе позволить браться за музыкальные произведения, требующие вокальных способностей и умения ими владеть. Ещё с институтских времён Максим выбирал для себя авторов, песни которых несложно было повторить. Тем более что для Максима, помимо мелодии, немаловажен был и текст произведения. Список исполнителей его поколения был достаточно известен любителям игры на гитаре. Это были в основном барды: Окуджава, Дольский, Визбор, Суханов, Кукин. Правда, был ещё один источник, который мог использовать Максим в своём так называемом творчестве. Это были романсы! Максим безумно любил слушать русские романсы, и те, которые у него получались, он пел с большим чувством, вдохновенно и порой красиво. Выступая перед немногочисленной публикой, он мог чувствовать, какое воздействие оказывает его пение на окружающих. Об этом можно было судить по обстановке, возникающей в помещении. Звук гитарных струн в сочетании с несильным, но проникновенным голосом, красивая мелодия в соединении со страстными стихами создавали определённый эффект. Впечатление, производимое на окружающих, порой было настолько сильным, что после окончания романса несколько секунд в помещении царила тишина. Этот признак был характерным, поскольку говорил о том, что его пение заворожило слушателя, сделало его своим поклонником и ценителем. Нестерпимое чувство влюблённости, сжигавшее душу Максима в эти дни, в какой-то момент достигло такого уровня, что разум полностью потерял над ним контроль и поэтому вряд ли мог подсказать ему правильное решение. Но вместе с тем это чувство требовало какого-то выхода, и, подчиняясь исключительно ему, Максим, несмотря на то что был почти уверен в своём провале, решил послать

ей песню в своём исполнении. «А может, всё-таки есть шанс, что ей понравится? Надо только правильно выбрать песню. Но какую?» — спрашивал он себя. Всё, что было в запасе у Максима, могло просто не найти отклика в её душе хотя бы потому, что она, быть может, никогда не слышала песен такого жанра. А если даже и слышала, то, скорее всего, не понимала, вернее, никак не воспринимала такую музыку. Максима тревожило это обстоятельство, поскольку он опасался, что, несмотря на природный музыкальный талант, она не сможет уловить смысл и красоту выбранной им песни. Для Максима, увы, как и для многих людей, было важно мнение окружающих, а мнение любимого человека при таких обстоятельствах было важно вдвойне. Он не хотел и откровенно боялся потерпеть фиаско. Но страсть переборола страх, и он отважился на этот шаг. Зная, какое сильное воздействие на женщин оказывает романс, он, тем не менее, не решился разместить его в своём первом музыкальном послании, но посылать бардовскую песню тоже было неправильно. И поэтому он решил выбрать что-то среднее между этими двумя жанрами. Тогда он вспомнил о великолепной песне «Эта женщина в окне» в исполнении Ирины Муравьёвой, которая ему очень нравилась и которая у него неплохо получалась. *(музыкальный фрагмент)* Тем более что на его компьютере сохранилась запись этой песни двухлетней давности. Поэтому записывать её в данный момент он не стал, а решил послать старое видео. Перед этим нужно было подготовить к нему свою слушательницу. Поэтому в один из дней во время переписки он как бы невзначай написал ей, что иногда тоже немного музицирует на гитаре. Она немного удивилась этому, но желания послушать его, которого так трепетно ждал Максим, не высказала. От досады Максим расстроился почти как ребёнок. Но чувство влюблённости, которое только и управляло им в последнее время, подавило обиду, и он, набравшись смелости, спросил, не хочет ли она послушать его? В этот раз удача улыбнулась ему, поскольку его собеседница благосклонно ответила согласием. Не медля ни минуты, Максим выслал ей подготовленное заранее видео и после этого, как мальчишка, затрепетал в ожидании ответа, который не заставил себя долго ждать:

— Молодец, мне очень понравилось, и голос у Вас хороший.

От неожиданной похвалы Максим, всё с тем же не отпускавшим его волнением, стал лихорадочно набирать текст:

— Ну прямо бальзам на сердце! А насчёт моего голоса Вы преувеличиваете. Вот у Вас голос — так голос, и репертуар под стать ему. Мне такие песни, как у Вас, к сожалению, недоступны. Мне что-нибудь попроще, типа несложных романсов или бардовских песен. Ну да ладно, не буду больше напрашиваться на комплименты. С удовольствием буду слушать Ваши песни, если Вы ещё что-нибудь выложите.

Дальше от неё последовало голосовое сообщение. В нём она уверяла, что говорит честно по поводу его пения, приводя в пример свою знакомую, которая, совершенно не имея голоса, пытается исполнять сложные песни. Максим не стал ей возражать, хоть и не поверил в её искренность. Но учтивость и упорство, которые она проявляла, пытаясь доказать свою правоту, всё-таки добавили немного бальзама на его сердце. Дальше она писала:

— Вы молодец, всё красиво. У меня голос более народный.

Максим, обрадованный продолжающимся диалогом, тут же ответил:

— Да, пожалуй, вы правы по поводу вашего голоса. Люблю слушать народные песни, которые у вас получаются бесподобно. Но вы поёте не только голосом, но и душой. Особенно это заметно, когда намеренно снижаете силу голоса, чтобы сделать акцент на важности текста. А это значит, что вам и романсы будут доступны, и наверняка вы их красиво исполните. А впрочем, что я говорю, может быть, вы их и поёте?

Далее снова последовало голосовое сообщение от неё:

— Когда мы жили в Казахстане, я вела свадьбы и юбилеи, вот там я пела. А здесь... Вот мы уже 13 лет как в России... Нет, ничего такого я не пою. Это я случайно попала на телевизионное шоу после того, как нас друзья сняли и выложили в интернет, а потом написали

письмо в редакцию, и нас с мужем пригласили на передачу. Нет, вы прекрасно играете. Вот, например, мой муж, он не поёт так. Он поёт... Как сказать? Он один не будет петь, только со мной вместе. Ладно, спасибо вам, завтра созвонимся или спишемся. Спокойной ночи!

— Голос у вас уставший. Да и мне завтра на работу. И вам спокойной ночи! Очень приятно было с вами пообщаться!

Максим, ошарашенный беседой и полученной информацией, сидел какое-то время в полном оцепенении. На него сильно повлиял её голос, вновь услышанный несколько минут назад, и то, что он узнал нового об этой поющей семейной паре, а именно об их выступлении на одном из федеральных каналов. Ему было невероятно приятно на душе от этой беседы, чувство радости переполняло его. Оно усиливалось ещё и тем, что он сможет найти в интернете запись их исполнения на телевидении. Но было обстоятельство, которое всё же оставило горький осадок в его сердце. Она говорила о своём пении не отдельно, а в основном в паре со своим законным мужем. Ревность и всё та же безысходность снова накрыли Максима. И он, как и все влюблённые люди, не осознавал, что ревнует человека, у которого даже в мыслях нет чувств к нему, женщину, для которой он совершенно ничего не значит. Чтобы как-то смахнуть с себя нахлынувшие мысли, Максим быстро перешёл на другую страницу в интернете в поисках выступления семейной пары из Санкт-Петербурга на одном из телевизионных музыкальных шоу. Он почти сразу нашёл его. Песня, которую они пели с мужем под гитару, была всё та же. И спела она её так же красиво, с присущим ей талантом, легко и непринуждённо. Едва уловимое волнение, которое Максим не мог не заметить, придавало ещё больше очарования так полюбившемуся, уже ставшему родным голосу. Да, песня была всё та же, но исполнительница выглядела не так, как прежде. Она словно преобразилась. На ней было чёрное платье в мелкий белый горошек, белый поясик и белые туфельки на невысоких каблукках. Жемчужные бусы, лежащие двумя рядами на шее, были в тон её наряду. Всё та же короткая стрижка, волосы, выкрашенные в каштановый цвет, лёгкий макияж, перламутровая помада розового цвета и слегка подведённые тушью реснички очаровывали Максима. Он снова машинально, как и в первый раз, стал повторять шёпотом: «Боже, как она хороша! Как она хороша! И как она поёт!» Публика в зале, похоже, так же, как и он, заворожённая её пением, непроизвольно подпевала ей. На лицах зрителей была улыбка, а в глазах — восхищение от получаемого удовольствия. Максим настолько проникся происходящим на экране, что ему показалось, будто он находится в зале и тоже подпевает ей, произнося уже давно выученные наизусть слова из песни. Но вот песня закончилась, и публика с восторгом зааплодировала. Поющие поблагодарили и направились к круглому столу, за которым сидели приглашённые со всей страны талантливые люди. После этого началась беседа за столом с вопросами от ведущего об их совместной жизни, месте, из которого они прибыли, и так далее. Затем на экране появилось видео, снятое в их доме. Максим с нескрываемым любопытством просмотрел эту видеозапись, на которой была изображена счастливая семейная пара, живущая в собственном доме в области. Взрослые дети, большой дом с баней и приличным участком и, конечно же, музыка и песни, без которых они не представляли свою жизнь. Максим несколько раз пересмотрел запись передачи, после этого сел в своё любимое кожаное кресло, вытянул ноги на стоящую напротив кровать и закрыл глаза. Просмотренный сюжет стал прокручиваться у него в мозгу, наполняя его сильным переживанием. В нём было всё то же воспалённое чувство любви, к которому примешивалась нестерпимая грусть и безнадёжность, близкая к отчаянию. Он пытался как-то справиться со всем тем, что снова так больно и стремительно тревожило его душу. В те моменты, когда лицо любимой женщины проплывало перед глазами, он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Но в тот миг, когда в сознание вторгалась мысль о безответности его любви, охватившая эйфория мгновенно рассеивалась, уступая место глубокой грусти и безысходности. Его муки усиливались ещё и от осознания того, что это была не просто неразделённая любовь. Это чувство было односторонним в том смысле, что о нём было известно только ему. Признаться

объекту своей любви не было ни малейшего шанса. Во-первых, потому что Максим был почти уверен в том, что не последует ответной любви от той, которая счастлива в браке. А во-вторых, и это было намного важнее для Максима, он чрезвычайно боялся быть отвергнутым. Ведь, напуганная неожиданным признанием, она могла и вовсе прекратить с ним общаться. Максим не хотел и просто не мог лишиться той маленькой крупы счастья, подаренного ему судьбой. Выхода снова не было. Оставалось довольствоваться тем, что у него ещё оставалось: её фотографиями, песнями в её исполнении и теми ощущениями и мечтами, которые приносили не только радость, но и грусть. И он не хотел и физически не мог с ними расстаться.

Глава 8

Время шло к полуночи. Вконец измученный мыслями, Максим лёг в постель, надеясь на то, что сон принесёт ему покой и облегчит страдания. Но сон, как назло, долго не приходил. Он больше часа ворочался с одного бока на другой, пока не почувствовал, что постепенно начинает проваливаться в какую-то бездну, периодически возвращаясь в реальность. После нескольких таких провалов его вдруг охватило необычное состояние. Сначала в ушах появился нарастающий шум, похожий на звук гальки от морской волны, который, достигнув максимума, вдруг резко прекратился. В этот самый момент Максим почувствовал, как его тело начало разделяться, и после этого одна из частей его, лёгкая и воздушная, приподнялась параллельно постели и стала парить в полной темноте. Затем темнота стала медленно рассеиваться, и в тот момент, когда она исчезла, Максим открыл глаза. Он уже не чувствовал себя раздвоенным и лежал в своей постели. Тело вновь приобрело целостность. Словно наступило пробуждение. Но Максим понимал, что это не явь, и в то же время был уверен, что это не сон. Его уверенность была обусловлена необычным ощущением, которое пронизывало тело, если, конечно, его можно было назвать телом в полном смысле этого слова. По нему шла волна ранее незнакомой, но очень приятной пульсирующей энергии. Максим вдруг понял, что может управлять этой энергией, которая была связана неразрывной нитью с его мыслями и желаниями. Он был уверен в том, что стоит ему взмахнуть руками, словно крыльями, как он тут же сможет взлететь и потом без препятствий пройти сквозь стену или окно. Возникшая волшебная способность управлять желаниями настолько обрадовала Максима, что он невольно улыбнулся и вздохнул полной грудью. Это ещё больше наполнило его силой управления. В то же время глубокое и ровное дыхание помогало ему держать контроль и оставаться спокойным и уверенным. Он решил представить: чего ему больше всего сейчас хочется? И мозг, подготовленный к такому вопросу, словно запрограммированный, тут же выдал ответ в виде воспоминания об Антонине Николаевне. Её образ сначала стал постепенно рождаться в его голове, вырисовываясь из многочисленных фотографий и видео, которые так сильно отпечатались в его памяти, а потом начал приобретать материальную форму. Вначале это выглядело как негативный снимок на плёнке, потом этот снимок стал проявляться и превращаться в цветную фотографию, на которой он увидел знакомые черты лица, цвет волос, одежду. Далее чудо продолжилось. Когда фотография приняла чёткие контуры, Максим, переполненный волнением, стал понимать, что она становится объёмной, принимает реальные размеры и, наконец, оживает.

Глава 9

Она сидела напротив, в его любимом большом кожаном кресле. На ней было зелёное платье из плотной ткани, которое едва доставало до колен. Ноги были скрещены в лодыжках, руки лежали на подлокотниках. Лицо было словно в дымке, под вуалью, но Максим не мог не разглядеть блестящих зелёных, как изумруды, глаз, коротко остриженных волос каштанового оттенка и улыбки. Её улыбка поразила Максима. Так может улыбаться человек, не просто влюблённый в тебя, а ещё и тот, кому ты очень дорог. Это была улыбка близкого, родного человека. Лёжа на левом боку, Максим, стараясь не спугнуть возникший каким-то чудом любимый образ, молча разглядывал её, перемещая свой взгляд сверху вниз: на лицо, шею, руки и... восхитительные круглые коленки. Физическое влечение стало накрывать Максима с нарастающей силой. Но найти ему выход не представлялось возможным. Сила, с помощью которой он наполнил плотью свой фантомный образ, почему-то перестала ему подчиняться в том смысле, что он не мог двинуться с места. Что-то неподвластное ему приковывало его к постели. Он мог только смотреть и любоваться ожившей картинкой. Но вдруг, словно почувствовав его состояние, женщина, сидящая напротив, чуть наклонилась к нему и, как ни в чём не бывало, заговорила первой:

— Ну, привет! Вот мы и встретились. Ты рад?

Неведомый барьер, до этого мешавший говорить ему, вдруг как-то сам собой пропал, и Максим, удивляясь своему необычному голосу и тому, что она заговорила с ним на «ты», ответил:

— Привет, конечно же, рад. Я так хотел увидеть тебя вживую! Но как это возможно? И почему ты решила ко мне прийти? И главное, зачем?

— Но ты ведь позвал меня, вот я и пришла. А зачем? Сама не знаю. Но уж точно не затем, чтобы петь тебе песни.

— Мне очень нравится, как ты поёшь!

— Только как я пою?

— Нет, не только.

— А что ещё?

— Ещё... Ещё ты мне очень нравишься как женщина!

— Да... А насколько нравлюсь?

— Настолько, что я не могу ни о чём думать, кроме как о тебе. Ты постоянно в моих мыслях. Как наваждение.

— Да, это заметно.

— О чём ты?

— Ты так запал на меня, что совсем забыл о своём Пилигриме.

— Да, ты права. Но я ничего не могу с этим поделать. Ты словно околдовала меня.

В ответ на его излияния она негромко рассмеялась, закинула ногу на ногу и лёгким, чисто женским движением поправила на виске свою причёску.

— Но я нисколько не возражаю против этого.

— Против чего?

— Против того, что ты из-за меня забыл о Пилигриме.

Произнеся последнюю фразу, она опять недвусмысленно улыбнулась и откинулась на спинку кресла. В этот момент Максим вдруг понял, что она тоже испытывает влечение к нему, намекая на это всем своим внешним видом и поведением. Но, будучи женщиной, не может сделать первый шаг к их сближению. От этой догадки страх, волнение и нестерпимое желание одновременно нахлынули на него. И, побуждаемый бурей чувств, Максим, всё так же лёжа в постели, не говоря ни слова, приподнялся, опираясь на левый локоть, и попытался дотянуться

до неё рукой. Она так же молча протянула руку ему навстречу. Сердце Максима от предвкушения прикосновения её руки забилося чаще. Тёплая волна, появившаяся в груди, потекла по всему телу. Но вдруг, словно по велению каких-то посторонних сил, расстояние, которое было между их ладонями и казалось таким коротким, стало медленно увеличиваться. Одновременно с этим в ночной комнате появился непонятно откуда взявшийся вихревой поток, создавая ещё большее сопротивление соединению их пальцев. Вместе с вихрем в ушах Максима вновь возник нарастающий шум морской волны, и если вначале этот звук был предвестником появления его возлюбленной, то в этот раз он знаменовал обратное. С усилением давящего шума образ женщины, сидящей в кресле, стал исчезать и растворяться в пространстве вместе с контурами её руки, застывшей в нескольких сантиметрах от его пальцев. Испытывая отчаяние и чувство неотвратимости происходящего, Максим всеми силами пытался помешать этому. Чем больше он тянулся к ней, тем дальше она ускользала от него. На пике этих мучительных ощущений Максим вдруг резко почувствовал, как его вновь ставшее раздвоенным тело начинает обретать изначальную форму. В этот миг он открыл глаза и увидел перед собой сначала размытые, а потом уже совсем чёткие контуры покинутого, одинокого кожаного кресла.

Несколько минут Максим так и лежал на боку, тупо уткнувшись взглядом в пустое кресло. Он чувствовал себя самым несчастным человеком на свете оттого, что, во-первых, он понимал, что случившееся с ним было не реальностью, а непонятным, возникшим ниоткуда наваждением, фантазмагорией, а может, и бредом. И, во-вторых, что в этом созданном мозгом, воспалённом страстью сюжете ему не удалось не только обнять, поцеловать, но даже дотронуться до объекта его желаний.

Максим не помнил, как он заснул. Утром его разбудил телефонный звонок. Он посмотрел на часы: было начало одиннадцатого. «Ничего себе я поспал», — произнёс он вслух. Звонил снова его приятель Андрей.

— Спишь, что ли?

— Уже нет.

— Ну ты даёшь! Вставай уже. Смотри, какой день!

Максим встал с постели, подошёл к эркеру и раздвинул шторы. Солнечный свет на мгновение ослепил его. Замёрзший снег на деревьях поражал своей сказочной белизной. Купола храма светились золотом. Счастливый хозяин такого же золотого лабрадора с каким-то остервенением бросал палку, которая по дуге взлетала вверх, падала и маленьким снежным взрывом исчезала в выпавшем за ночь глубоком снеге. Восхитительная картина за окном заставила Максима непроизвольно улыбнуться и в очередной раз убедиться в том, что он не зря, несмотря на баснословную цену, всё-таки купил квартиру в этом месте. Ему всегда хотелось, чтобы окна в доме выходили на храм и набережную. И мечта его сбылась. И «фиг» с ней, с ипотекой. Он потихоньку когда-нибудь выплатит её с Божьей помощью.

— Какая красота! — не сдерживая эмоций, вслух произнёс он.

— Ты о чём? — прозвучало в телефонной трубке.

— О собаке.

— О какой ещё собаке? С тобой всё в порядке?

— Всё нормально. Ты чего звонишь?

— Ну уж точно не для того, чтобы тебя разбудить.

— Да? А я как раз так и подумал.

— Делать мне больше нечего.

— Ну а тогда зачем? Сказать о погоде?

— За этим тоже. Погода, правда, классная. Но ещё это самое, Макс... Тут Мишка звонил. Он снова в Питере, вчера из Вильнюса прилетел. Хочет встретиться. А мне одному с ним как-то не комильфо. Может, присоединишься к нам?

Первым желанием Максима было отказаться от встречи. Но потом он вдруг понял, что за время короткого разговора с Андреем совсем позабыл о своей страсти. Может, стоит отвлечься от бредовых любовных мыслей и за столом с приятелями, с кружкой тёмного пива поболтать о чём-нибудь житейском? Максим ухватился за посетившую его мысль как за спасительную соломинку.

— А когда? — спросил он.

— Можно сегодня или завтра. Когда ты можешь?

— Давай сегодня, чтобы не перед рабочим днём.

— Окей! Я ему перезвоню и потом тебе напишу, во сколько и где. Пока.

— Пока.

Максиму вовсе не хотелось забывать о ночном происшествии. Наоборот, он в течение всего дня прокручивал в голове виртуальное ночное свидание. Отказать себе в этих воспоминаниях он был не в силах. Он смаковал их, наслаждаясь по крупице, боясь, что со временем, подобно приятному сновидению, подробности происшедшего рассеются в памяти и останутся лишь обрывки. Он намеренно заставлял себя запечатлеть в памяти события минувшей ночи, нисколько не смущаясь того, что физическая составляющая его воспоминаний и мечтаний преобладала над платонической. Так же, как и ночью, он представлял, как разглядывает Антонину Николаевну сверху вниз. При этом он сознательно пририсовывал к ночной картине недостающие детали. Теперь он видел не только лицо со сверкающими зелёными глазами и манящей улыбкой, но и нежную шею, и далее едва заметную и приковывающую взгляд бороздку в области декольте. Затем его внимание останавливалось на оголённых до локтей руках, пальчиках, согнутых на подлокотниках кресла, и, наконец, коленях, круглых, белых и таких желанных. Ему мечталось прикоснуться к ним, чтобы ощутить их гладкость и возбуждающую волну, распространяющуюся от кончиков его пальцев по всему телу.

Глава 10

Бар в подвальчике на улице Марата, который Максим не раз посещал и где они договорились встретиться, назывался «Beer House». В нём царил атмосфера уюта, и пиво с закусками было вполне сносным. Максим спустился в зал и сразу же заметил своих друзей, сидящих за дальним столиком. Андрей махнул ему рукой. Когда Максим подошёл к ним, то увидел, что на столике уже была выставлена нехитрая закуска в виде сырной тарелки и солёных орешков. Их кружки с пивом были наполовину пусты.

— Мы заказали тебе тёмное чешское, сейчас его принесут, — сказал Андрей, протягивая ему меню, — а горячее ещё не выбрали, не знали, что ты предпочитаешь.

Максим стал пролистывать меню и остановил свой взгляд на картинке с большой тарелкой, на которой по спирали были выложены розовые креветки. Были ещё запечённые куриные крылышки и баварские сосиски, множество всяких стейков, паста, рыба в кляре и на вертеле, шашлык из разных видов мяса, свиная рулька, говяжьи щёчки, бефстроганов из лосятины и ещё много разных блюд, в том числе с необычными смешными названиями, типа «Федя дичь». Максим, несколько раз пролистав меню, поднял глаза и с совершенно серьёзным выражением на лице произнёс:

— Устриц у них, похоже, нет, а жаль!

— Всё шутишь, в таких заведениях их не бывает. И потом, знаешь, сколько они стоят, — с ухмылкой произнёс Андрей.

— Знаю, ну я же не виноват, что люблю их.

— Да-а-а, ты у нас особенный, вечно предпочитаешь что-нибудь изысканное, не такое, как все любят, — сказал Михаил.

— Да брось ты, устрицы многие любят. Просто не все могут себе это позволить.

— А ты, стало быть, можешь?

— Не совсем так. Иногда балую себя или, когда тоскливо на душе, могу заказать себе хотя бы полдюжины под холодное белое сухое вино.

— И что, вкусно? — спросил Андрей.

— Безумно вкусно, я бы даже сказал, божественно! А ты что, никогда не пробовал?

— Нет, и не собираюсь. Их же едят только в сыром виде?

— Почему же, можно и жареными. Но сырые они вкуснее.

— И на что похож их вкус, с чем можно его сравнить? — спросил Михаил.

— Пожалуй, ни на что. Это трудно объяснить словами. Могу лишь сказать, что они пахнут морем и ещё... любовью к женщине.

— Это как? — спросил в недоумении Андрей. — Ну, морем ещё понятно, а пахнуть любовью к женщине? Скажешь тоже!

— И правда, что ты имеешь в виду, поясни, — произнёс не менее удивлённый Михаил.

— Ну что пристали. У каждого свои ассоциации.

— Нет уж, извини, ты иногда говоришь такие несуразные вещи, а потом убегаешь в кусты, когда от тебя требуют объяснений.

— Как вы не можете понять, что некоторые сопоставления невозможно объяснить словами, их можно только прочувствовать.

— И всё-таки странно. Ты сравниваешь вкус и запах устриц со вкусом и ароматом любви. Я тебя правильно понял? — не унимался Михаил. — Как можно соизмерять предпочтения желудка с желаниями души?

— Души и тела, — уточнил Максим. — Мы же любим многие вещи, как правило, и душой, и телом. И, кстати, это касается не только любимых блюд, не так ли?

— Ну допустим, — ответил Андрей.

— А раз так, то всё сходится. В слабости к устрицам так же, как и в любви к женщине, присутствуют определённый вкус и связанное с ним удовольствие. Хочу ещё раз отметить, что здесь речь идёт о любви не в разрыве с её физической составляющей.

— Я, кажется, начинаю тебя понимать, но только не умом, а каким-то внутренним ощущением, — вдруг сказал Михаил. — Но позволь тебя спросить: тебе не кажется, что вкус устриц по всем известным причинам нам приходится ощущать гораздо реже, чем вкус любви к противоположному полу?

— Не согласен, — с улыбкой на лице ответил ему Максим. — Как раз наоборот, в сказанной тобой фразе присутствует ещё одно схожее между ними свойство. Любовь, вернее объект твоей любви, очень часто так же труднодоступна, как дюжина дорогих устриц с дорогим редким вином. Надеюсь, вы понимаете, что запивать устриц дешёвым вином или пивом так же кощунственно, как прийти в Большой зал филармонии в пляжных тапках и шортах. Но, впрочем, сейчас не об этом. Процесс поглощения устриц для меня, как бы это цинично ни звучало, напоминает любовный акт. Только представьте, как вначале вы маленькой изящной вилочкой отделяете крохотную морскую субстанцию, это чудо природы, от твёрдой глянцевой поверхности, проглатываете её с закрытыми глазами, ощущая во рту запах и вкус моря! А затем прикасаетесь губами к холодной, уже пустой створке, втягивая смешанный с морской водой лимонный сок, и в мозгу сразу же возникает ни с чем несравнимое ощущение достигнутой, хоть и прежде казавшейся недостижимой, вожделенной любви. Последовавший за этим глоток холодного белого вина оттеняет вкус блюда так же, как возникает послевкусие от завершившегося акта двух тел.

— Фу, как пошло! — воскликнул Андрей. — Что, опять втюрился в кого-то?

— С чего ты взял? Вы спросили — объяснить, я и объяснил, — немного сконфуженно ответил Максим.

— Как-то очень поэтично и в то же время натуралистично, — сказал Михаил. — Мне сразу тоже захотелось устриц попробовать. Но здесь у них, к сожалению, нет ни устриц, ни хорошего белого вина. Что будем делать?

— Ну, раз нет, тогда будем довольствоваться тем, что есть, закажем креветок к пиву. Ну и баварских сосисок.

Пиво с едой принесли через несколько минут. Всё было вкусным, хоть и не таким изысканным, как могли быть устрицы с лимонным соусом. Мягкое бархатное пиво отдавало лёгкой горчинкой, но оказалось очень приятным на вкус, а горячие креветки, сбрызнутые тем же лимоном, были достойным дополнением к пенному напитку. После первой, самой приятной волны опьянения у друзей развязались языки. Расслабившись и уже совершенно не стесняясь друг друга, они продолжили мужской разговор.

— И всё же ты так красочно и необычно описал своё представление о любви. Должно быть, это неслучайно? Так бывает с человеком, который недавно пребывал в состоянии влюблённости или, быть может, по-прежнему находится под её властью? — не унимался Михаил.

— Тебе это так важно или тобой руководит простое любопытство?

— И то и другое. Но ты можешь ничего не говорить, если тебе не хочется.

Будучи интровертом, Максим не отличался откровенностью даже с близкими людьми. Он был уверен, что интимные душевные переживания не должны распыляться направо и налево. Иначе грош им цена. Разбалтывать о своих любовных приключениях было не в его правилах. Но в этот раз что-то мешало ему следовать своим принципам. Накопившиеся за последние дни эмоции требовали выхода. И не то чтобы ему нужен был совет. Просто Максим, не имея возможности признаться в своих чувствах той, которая не выходила у него из головы, и надеясь как-то облегчить душевные страдания, готов был открыться любому. А здесь подвернулись вроде и не совсем чужие люди, с которыми он был знаком не один десяток лет. Максиму в этот раз не составило большого труда преодолеть свои сомнения, и поэтому он решил высказаться.

На одном дыхании он стал рассказывать им о том, что творится у него в душе, делая акцент на безнадёжности своих чувств. За всё время его откровений друзья не произнесли ни слова, потягивая пиво и снимая ногтями хитиновую оболочку с креветок. Наконец он закончил свой рассказ. После короткой паузы первым в привычной для него манере заговорил Андрей.

— Ну ты даёшь! Чё, одиноких баб, что ли, мало? Надо обязательно было влюбиться в замужнюю.

— Погоди, — перебил его Михаил. — И что ты собираешься с этим делать?

— Да в том-то и дело, что не знаю.

— Может, открыться ей? — спросил Андрей.

— Ты что, с ума сошёл? Она наверняка скажет, что любит своего мужа или ещё хуже — пошлёт меня куда подальше и заблокирует мой контакт. А я этого не хочу. И похоже, что она на самом деле счастлива в браке, у них взрослые дети. Как я могу разрушать семью? В лучшем случае она вежливо напominит, что замужем, любит мужа, и сразу же вслед за этим тихо распрощается.

Тут Андрей не выдержал и с иронией произнёс:

— Они все так говорят. А потом, глядишь, приглянется какой-нибудь симпатичный мужичок, и тут же, махнув хвостом, летят в его объятия. А ты же у нас красавчик, бабам всегда нравился. Ведь правда, Мишань? Скажи, Максик же у нас красавчик и ещё на гитаре играет? Нужно только сказать ей, и всё. Авось и клюнет.

— А если не клюнет? — ответил ему Михаил.

— А если не клюнет, то и фиг с ней. Найдёт другую, которая клюнет. Надо же как-то решать эту проблему, а то он, похоже, так на ней заикнулся, что у него скоро крыша поедет.

— Уже поехала, — с ухмылкой произнёс Максим.

— В смысле?

— В смысле, что со мной стали происходить странные вещи. Мысли о ней и о том, что она никогда не будет моей, настолько измучили меня, что со мной вчера вечером случилось такое, что я никак не могу понять и объяснить.

Андрей тут же как-то оживился, заёрзал, сидя на диванчике, намереваясь, очевидно, спросить Максима подробнее. Но Михаил опередил его, заговорив в присущей ему медленной, рассудительной манере:

— Насколько я помню, в классической литературе авторы часто прибегают к описанию так называемой неразделенной любви.

— Я тебя умоляю! — приложив ладонь к груди, перебил его Андрей. — Вот только сейчас не надо литературщины, терпеть этого не могу. Мы знаем, что ты самый начитанный из нас, но в жизни всё по-другому. Небось сейчас что-нибудь из Достоевского отчебучишь?

— Гм... Фёдор Михайлович? У него наверняка найдётся нечто похожее. Но сейчас я почему-то вспомнил двух других авторов. Один иностранный, другой наш. И у каждого из них можно найти сходства и различия на эту тему.

— Ну не томи уже, рассказывай, — сдался Андрей.

— Ты же не хотел?

— Не хотел, но разве тебя отговоришь? Да и Макс, похоже, не возражает.

Максим и в самом деле, выйдя ненадолго из затмения, сковавшего его в момент исповеди, внимательно смотрел на Михаила, словно хотел услышать если не поддержку, то хотя бы слабое утешение. Михаил же, почувствовав обоюдный интерес к своей персоне, всё так же медленно и с расстановкой начал свой почти аналитический рассказ:

— Повторяю, что аналогия не совсем стопроцентная, но некоторую схожесть, я уверен, вы найдёте. Начну с Сомерсета Моэма. Его главный герой, которого, если не ошибаюсь, звали Филипп, был одержимо влюблён в женщину низкого социального статуса. Если Филипп был образованным, начитанным, интеллигентным молодым человеком, обладающим способ-

ностями художника, с хорошим вкусом, разбирающимся не только в живописи, но и во многих других видах искусства, то она была простой официанткой. Причём страсть свалилась на него слишком неожиданно, и не исключено, что именно благодаря этому он был к ней совершенно не готов. Всё, что с ним случилось при первой встрече, было похоже на гром среди ясного неба, поэтому он был охвачен ею, как говорится, целиком.

Некрасивая, грубая, с плохими пошлыми манерами, она в первый момент не только не понравилась ему, но и вызвала в нём отвращение. Уверенный в своём интеллектуальном превосходстве, он, как и следовало ожидать в таких случаях, высокомерно заговорил с ней, когда однажды с друзьями, как и мы сейчас с вами, сидел в кафе. Но, к своему великому удивлению, «официанточка» ответила ему не просто невежливо, а откровенно по-хамски. Едва сдерживая злобу и возмущение, он, однако, нашёл в себе силы не ответить на грубость. После этого происшествия они недолго оставались в кафе и вскоре покинули его. Расставаясь, все сделали вид, что ничего не произошло. И друзья, как и следовало ожидать, сразу же забыли о произошедшем, а вот чувствительный и ранимый Филипп — нет. Чувство обиды, к которому он был склонен с самого детства, сдавило ему плечи и тяжёлым камнем легло на сердце. Я забыл вам сказать, что Филипп был от рождения хромым, и этот врождённый изъян был в детстве причиной частых и болезненных насмешек со стороны сверстников. Постоянные обиды и унижения не могли не отразиться на его характере. Он был обидчив и уязвим, но при этом не переставал любить людей. И относился к ним, как правило, с добротой и пониманием. Но при этом, если наткнулся на грубость, хамство и предательство, тут же отворачивался от окружающего мира, замыкался в себе и страдал. Так вот, весь оставшийся вечер он прокручивал в голове случай, произошедший в кафе, и, как мне помнится, долго не мог заснуть. А наутро вдруг с ужасом обнаружил, что вчерашнее, возникшее по воле судьбы негативное чувство каким-то образом постепенно трансформируется в нечто другое. И этим другим оказалось не что иное, как мучительная, патологическая в своём роде и, в конечном итоге, как выяснится, совершенно безответная любовь. Почему патологическая, спросите вы? Ну, наверное, хотя бы потому, что страстная, вожденная любовь сама по себе уже болезнь. А болезнь, как вам известно, уважаемые доктора, — это патология. Ты же помнишь этот роман, Макс?

— Помню, конечно.

— И помнишь его окончание?

— Припоминаю. Кажется, он потом смог разлюбить её.

— А я не помню, — перебил Андрей. — Доскажи, Миш, что там дальше было?

— Много горя он с ней пережил, и немало крови она у него выпила, как говорится. У них, по-моему, так и не было физической близости, хоть и приходилось несколько раз жить вместе. Она крутила им, как хотела, унижала его, довела в какой-то момент до нищеты, убежала с любовником, от которого тут же забеременела, а тот, узнав об этом, сразу же бросил её. Сначала обещал на ней жениться, а потом выяснилось, что он женат и у него куча детей. В общем, обычная история. Она беременная вернулась к Филиппу, который, всё ещё не переставая любить, приютил её и помог с рождением ребёнка. Полюбил этого ребёнка и был готов жить с ними. Но эта женщина снова кинула его, убежав теперь уже с другим мужчиной, который к тому же был другом Филиппа. Этот друг, как и следовало ожидать, после того как быстро охладел к ней, вышвырнул её в буквальном смысле на улицу. Ребёнок её умер от какой-то болезни. А она вконец опустилась, став уличной проституткой. Когда однажды Филипп увидел её на панели, он с трудом узнал её и одновременно осознал, что она ему совершенно безразлична. Став к этому моменту квалифицированным врачом и полностью избавившись от своей страсти, он, тем не менее, сжалился над ней и попытался вернуть её к нормальной жизни. А когда они в очередной раз стали жить вместе на его содержании, она вдруг стала проявлять к нему физический интерес, очевидно, пытаясь тем самым привязать его к себе окончательно. Не испытывая к ней ни капли любви и влечения, он отверг все её притязания. Это взбесило

её, и она, перед тем как снова уйти от него, в один из дней, когда его не было дома, в порыве присущей только женщинам неистовой, истерической злобы и мести в хлам разгромила его жилище. Она опрокинула мебель, разрезала диваны и разорвала нарисованные им картины. Такой подлой и гадкой твари редко встретишь в мировой литературе. А впрочем, может, и не редко? Но ничто, как известно, не остаётся неоплаченным в этом мире. Судьба жестоко наказала её. Она вновь вернулась к своей профессии и, если я не ошибаюсь, занимаясь своим нехитрым промыслом, заболела сифилисом, который плохо лечился в те времена. И в конце концов в полной нищете и мучениях умерла в больнице на руках всё того же сердобольного Филиппа. Он впоследствии нашёл другую женщину, намного моложе его, добрую, красивую и любящую, с которой, очевидно, судьба сулила ему спокойную семейную жизнь. Но вот вопрос: любил ли он свою новую избранницу? Наверное. Но у меня почему-то возникло ощущение, что чувство Филиппа к ней имело совсем другую окраску. В нём не было той маниакальной составляющей, которая присутствовала в первом случае. Устраивало ли это Филиппа? Не уверен. Таким чувствительным людям, как он, любовь без страсти может казаться неполноценной, а раз так, то вряд ли она могла сделать его по-настоящему счастливым. Хотя, быть может, я ошибаюсь? Вот такая грустная история в представлении известного английского писателя. Предполагают, что она во многом автобиографична. Хотя говорят, что Моэм это отвергал.

— И зачем ты всё это рассказал? — спросил Максим. — Ты что, думаешь, эта история похожа на мою?

— Не совсем, конечно, — улыбнулся Миша. — Совсем чуть-чуть. То, что так неожиданно свалилось на Филиппа, теперь обрушилось на тебя. Да ты и сам прекрасно это понимаешь. Ты одержим так же страстно, безответно и безнадежно, как герой Моэма. И, не в обиду будет тебе сказано, если очень постараться, то можно легко провести аналогию с объектом твоих желаний и официанткой из романа, хотя на первый взгляд они совершенно антиподы. У твоей дамы любимый муж, дети, музыкальный талант, а в романе — незамужняя официантка, некрасивая, невоспитанная, грубая и чудовищно лживая. И создаётся впечатление, что эти две женщины в корне различаются. Но как ты можешь быть уверен, что некоторые отрицательные черты, сказанные мною, не найдутся в твоей замужней избраннице после того, как тебе чудом удастся с ней сблизиться? Ты сейчас не видишь и просто не можешь их видеть, поскольку мало знаком с ней и, самое главное, потому что ты ослеплён страстью к ней. Так же, как и герой романа Моэма. А лишённые зрения, как известно, не могут видеть. А может, ты уже и узрел в ней такое, что не очень и нравится тебе, но сознательно, под воздействием влечения, старательно прикрываешь это, готовый простить ей всё на свете. Что ты на это скажешь?

— Я, может быть, и скажу что-нибудь попозже. Но ты обещал нам поведать другую историю, из русской литературы.

— Непременно расскажу, но давай сначала выпьем, — ответил Михаил, после того как перед ними выставили на стол очередные наполненные кружки тёмного напитка с манящей густой пеной.

Они чокнулись. Полные кружки издали приглушённый стеклянный звук, и приятели почти одновременно смачно приложились губами к толстому рифлёному стеклу.

— Итак, продолжим, — заговорил вновь Михаил, звучно откусывая верхушку блестящей, ароматной баварской сосиски. — Второй несчастный герой, о котором я намереваюсь напомнить, описан в рассказе очень любимого мною Александра Куприна. Хотя хочу сразу же отметить, что называть его несчастным не совсем правильно, поскольку герой «Гранатового браслета» совсем не считал себя таковым, а скорее наоборот. Он был уверен, что является самым счастливым человеком на свете, поскольку Богу было угодно наградить его глубоким, бескорыстным, окрыляющим, хоть, как вы уже поняли, безответным чувством. И вот здесь аналогия с тобой: он полюбил замужнюю женщину. Но следует сказать, что при кажущейся схожести переживаний главных героев двух произведений, на мой взгляд, они, эти пережива-

ния, совершенно разные, поскольку по-разному воспринимаются ими. У Моэма главный герой, наделённый прекрасными качествами сострадания и человеколюбия, влюбился в отвратительную женщину. Кстати, забыл вам вначале сказать, что в момент так называемых её домогательств, а иначе их никак не назовёшь, когда он уже прозрел и избавился от своей страсти, Филипп, набравшись смелости, сказал ей, что она противна ему и вызывает в нём только отвращение, чем, собственно, подлил масла в огонь. Так вот, всё длительное время своей влюблённости его горестные муки были следствием двух причин. С одной стороны — его неуправляемая, как я уже говорил, патологическая страсть, а с другой — её ледяное, ничем не прикрытое равнодушие по отношению к нему. У Куприна совершенно всё по-другому. Его герой просто полюбил и только лишь от этого был счастлив. Для того чтобы быть счастливым, ему вовсе не требовалось ответного чувства. Он не мог рассчитывать на него, поскольку был высоко благороден по природе, и не добивался его. Хотя, нужно сказать, в отличие от тебя, Максим, он писал ей признательные письма и даже преподнёс ей подарок — самое дорогое, что осталось у него от матери: гранатовый браслет с редко встречающимся в природе зелёным гранатом в центре. Но все действия были суть выражением его глубокой любви, а не попыткой добиться ответного чувства. Во всяком случае, Куприн, как мне кажется, именно это хотел донести до читателя. В награду его герою была лишь забытая ею в цирке перчатка и ещё какие-то мелочи (я уже точно не помню какие), которые он без колебаний сжёг в камине в минуту принятия решительного, но, увы, фатального для себя шага. Он просто любил той редкой любовью, которая сама по себе, наполняя сердце, делает человека счастливым, даже несмотря на то, что является безнадёжной. Кстати, Макс, вот ты совсем недавно проводил аналогию между любовью к женщине и слабостью к устрицам. Не скрою, меня это очень позабавило. И в связи с этим мне вспомнилась интересная, чем-то схожая, но более утончённая деталь у Куприна. Главный герой сравнивает свою любовь с фортепианной сонатой великого Бетховена. И я считаю, что это удивительное по красоте сравнение. Ведь очень часто, слушая музыкальные произведения, созданные гением, мы, сливаясь с музыкой, как бы проживаем короткие отрезки жизни, которые каким-то чудом вместились в созданные им маленькие шедевры. И когда пальцы пианиста, пробегая по глянцевым клавишам, рожают изумительные звуки, мы, будучи в этот момент влюблёнными в кого-то, ощущаем эту нашу любовь. Сердце в этот момент нам трепетно шепчет: «Да, да, это именно то, что я чувствую. Моя любовь именно такая, как эта музыка. Иногда радостная, но чаще печальная и грустная. Но оттого, что она печальная, я всё равно ни на что на свете её не променяю!» И когда герой Куприна в последнем, прощальном письме к любимой женщине утверждает, что именно эта соната — лучшая у Бетховена, будучи уверенным, что она отражает и полностью совпадает с его чувством, он тем самым возвышает его, ставя на самый высокий пьедестал. Что может быть выше такой музыки и такой любви? По мнению героя Куприна — ничего. Но, к сожалению, у этой истории грустный и предсказуемый финал. А иначе и быть не могло. Главный герой покончил с собой, поскольку любовь, которую он сам считал настоящей и возвышенной, тем не менее вела в тупик. У неё не было выхода. Вернее, был выход, но только один, и, как известно, весьма печальный.

— Скажи мне, пожалуйста, — спросил Максим. — При, казалось бы, схожести этих двух чувств, испытываемых главными героями, у них есть принципиальная, качественная разница. Я примерно понимаю, в чём она заключается. Но хотелось бы услышать твоё мнение.

— Это же очевидно. В первом случае имеет место страсть, патологическое состояние души и тела, а стало быть, болезнь, мания, если хотите. А во втором — настоящая любовь, существование которой основная часть человечества категорически отрицает.

— И как же их отличить? Ведь порой они так похожи, — с сомнением в голосе спросил Андрей.

— В настоящей любви есть одно единственное качество, которого нет и не может быть во влюблённости или, как мы её чаще называем, страсти. Это жертвенность! Вы, конечно же,

понимаете, что это не мои слова? Много раз уже сказано, что для любимого ничего не жалко. За него любящий готов отдать самое дорогое на свете. А что у нас самое дорогое? — И тут Михаил выдержал паузу.

— Здоровье, — почти в тон ему, но с заметной ухмылкой воскликнул Андрей.

— Ответ неверный. Самое дорогое на свете — это жизнь. А кто готов пожертвовать ею? Похоже, никто, кроме героев известных романов. Поэтому многие и соглашаются с известным постулатом, который гласит, что настоящей любви не существует. А есть только временное влечение, влюблённость, химия, страсть, если хотите. Почему временное? Потому что всё проходит в этом мире, и, как было написано на перстне царя Соломона: «И это пройдёт».

— Вот ты наговорил всякой философии, — не удержался Андрей. — И что теперь с этим всем делать? Какой вывод? Резюме, будь любезен!

— А вывод только один, вернее, два.

— Как это два? Вывод должен быть всегда один, — возразил Андрей.

— Ничего подобного, выводов может быть много. Но в данном случае только два. Вернее, не выводов, а выходов. Два разных по своей сути чувства и, следовательно, два выхода. Объясню почему. Вы, надеюсь, теперь поняли и согласны с тем, что чувства у этих героев, при кажущейся схожести, в корне различны. Во всяком случае, писатели преподносят их нам именно таковыми. У Моэма это страсть с преобладанием физического компонента, у Куприна — настоящая, очень редкая, уникальная, почти не встречающаяся в природе глубокая, жертвенная любовь. И если от страсти к замужней женщине со временем можно избавиться под воздействием тех или иных обстоятельств (я сейчас не буду их перечислять, сами догадываетесь каких), то от настоящей, безответной и бескорыстной любви к той же замужней женщине можно избавиться только одним трагичным, фатальным способом. Во всяком случае, это пытались показать нам сначала Сомерсет Моэм, а затем Александр Куприн. Но не будем о грустном. Макс, зная тебя много лет и то, как ты легко влюбляешься, уверен, что тебя просто охватила очередная влюблённость, и она должна пройти. Жаль, конечно, что предметом её оказалась замужняя дама. Но всё равно нужно время. И ещё, у меня вдруг возникла гениальная мысль. Хочешь, я её озвучу, хотя она больше похожа на совет? Многие взрослые люди не любят советов, полагая, что они им ни к чему, поскольку в состоянии сами справиться со своими проблемами. Тем не менее, могу сказать: как бы я поступил, если бы по уши втюрился в замужнюю женщину?

Максим во многом был согласен с Михаилом по поводу природы переживаемого им чувства. Он и сам прекрасно понимал то, что с ним происходит. Так убедительно и доходчиво разложенное по полочкам объяснение психологической сущности любви почти не удивило его, хотя и вызвало заметный интерес. Но не это было целью его встречи с друзьями. А что? Он и сам не знал. Поэтому, чтобы никого не обидеть и попытаться немного приблизиться к логическому окончанию животрепещущей для него темы, он ответил:

— Конечно, хочу! Для меня сейчас любой достойный совет может оказаться лекарством. Говори, что бы ты сделал?

Михаил, сделав большой глоток густого напитка, вытерев губы салфеткой и с той же рассудительной ноткой в голосе, продолжил:

— Обычно считается, что в моменты влюблённости многих творческих людей — ну, там, писателей, художников, музыкантов — посещало так называемое вдохновение, благодаря которому они сочиняли свои лучшие произведения, создавали шедевры живописи и литературы. Они переключали своё внимание и вкладывали свою, скажем, сексуальную энергию в создание какого-нибудь творения. Так называемая сублимация любви. Наверное, слышал? Так вот, может, и тебе стоит попробовать? Ты же понимаешь, что я говорю условно. Переключи энергию, которая тебя наполняет, на создание — ну, если не шедевра, то, может быть, какой-нибудь прелестной вещицы. Я знаю, что ты не умеешь рисовать, но зато неплохо играешь на

гитаре. Разучи новый красивый романс. А может, попробуешь написать маленький рассказ? Что ты на это скажешь?

Проницательность Михаила слегка озадачила Максима. От его слов он едва заметно вздрогнул и в уме спросил себя: «Он что, читает мои мысли? Или так хорошо изучил меня за многие годы, что смог о чём-то догадаться? А может, просто сам побывал в моей шкуре и когда-то ему таким способом удалось избавиться от чувств, не дающих покоя ни душе, ни разуму, ни телу?» Воспоминание о заброшенном им рассказе взволновало Максима и неприятным комком стало в груди. Это ощущение усилилось мыслями о событии минувшей ночью. Хотя, впрочем, называть это событием не совсем правильно, поскольку природа его до сих пор оставалась для Максима загадкой. Не было ответа и на то, почему возникший прошлой ночью фантом любимой женщины упомянул имя главного героя его сказки. Всё это не укладывалось в голову и не поддавалось никакому логическому объяснению. Какая ещё там логика, когда вокруг сплошная мистика!

Максиму недолго пришлось пребывать в размышлениях, поскольку теперь уже настала очередь Андрея его удивлять. Заметив некоторые признаки замешательства на лице Максима, Андрей спросил:

— Макс, а что ты там говорил про крышу, которая у тебя начинает ехать?

Максиму пришлось второй раз за вечер задуматься. Стоит ли им рассказывать о необычном происшествии прошлой ночи? Одно дело — открыть свои чувства, которые являются привычными для человека и поэтому в какой-то степени окажутся понятными для друзей. А вот признаться в так называемых «чудесах» разума и сознания — совсем другое дело. Ему не хотелось отталкивать от себя своих друзей, которые, услышав его рассказ, могли заподозрить его в помрачении рассудка. Но с другой стороны, ночное видение было продуктом, возникшим из источника его душевного интереса. Одно с другим было тесно взаимосвязано. Не было бы любви, не было бы и ночного визита, так глубоко взволновавшего его и тревожащего до сих пор.

То ли оттого, что Максиму очень хотелось разобраться во всём этом, то ли оттого, что ему нужно было ещё раз показать «силу своей любви», благодаря которой так изменилось его сознание, он решил поведать о свидании, произошедшем минувшей ночью. И он робко начал свой второй рассказ. Андрей слушал его с открытым ртом, а не менее заинтересованный Михаил наклонил голову немного вбок, скрестив руки на груди. Но как бы внешне ни проявлялось их внимание к рассказчику, в одном они были абсолютно одинаковы. И тот, и другой, охваченные рассказом Максима, полностью забыли о пиве и о кроватках с колбасками. Наконец закончив, Максим с глубоким выдохом спросил:

— Ну что скажете, братаны? Считаете, крыша поехала?

Первым нарушил молчание эмоциональный Андрей. Наконец вспомнив про пиво, он потянулся к кружке и сказал:

— Да не, это был просто сон. Ты слишком много о ней думаешь и сильно хочешь её. Вот она и приснилась. Правда, Миш?

— Не знаю, не уверен, что это был сон. Похожие практики описаны у метафизиков и эзотериков.

— Что опять? — взмолился Андрей. — Будешь примеры из книжек приводить? Может, уже хватит?

— Ну не буду, если вы не хотите.

— Нет, давай уж, говори, раз уж начал, потерпим.

— Говорить? — спросил Михаил у Максима.

— Ну говори, — со вздохом ответил он.

— У эзотериков есть такое понятие, как выход в астрал. Наверное, слышали? Тибетские монахи часто практикуют такие вещи. Одно время, лет 20—25 назад, были популярны книги

по эзотерическим упражнениям. Их было много, и они по-разному объясняли феномен астрального тела. Помню, одна из них называлась «Третий глаз», написал её тогда всем известный тибетский монах Лобсанг Рампа. Я уже не помню подробностей его книги, не суть-важно, главное — основная идея. По его мнению, человек, выйдя в астрал, может путешествовать по разным параллельным мирам. Причём у автора была интересная теория о том, что, отделяясь от физического, астральное тело остаётся связанным с ним так называемой тонкой серебряной нитью, которая может удлиняться до бесконечности, независимо от расстояния до конечной точки путешествия. Я уже не помню, как он объясняет механизм выхода из физического тела. Наверное, используя медитацию. И, скорее всего, так оно и есть. У тибетских монахов без неё никак. Но это не важно. Тем более что другой автор, о котором вы, конечно же, слышали и творчеством которого я в одно время сильно увлекался, Карлос Кастанеда, по-своему описывал состояние сознания, необходимое для расщепления тела человека на две составляющие. Вы же читали Кастанеду?

— Да, читал, — сказал Максим.

— А я нет, он мне показался сложным. И вообще это не моё. Не люблю и не верю в такие вещи, — с показным равнодушием ответил Андрей.

— Не веришь, а зря, — продолжил Михаил. — А впрочем, каждый вправе верить или не верить, читать или не читать. И тем не менее то, что с тобой произошло, Макс, во многом похоже на практики Кастанеды. Я не буду вам сейчас рассказывать обо всей философии и теории, которые являются основой его учения. В частности, о существовании так называемой точки сборки и светящихся коконов вокруг физического тела, о понятиях Нагваля и Тоналя и прочих вещах, чтобы не забивать вам голову. Лучше обо всём прочесть самим, а потом уже решить — принимать это или нет. Расскажу лишь о двух вещах из его книг. Первая: «Остановка внутреннего диалога», вторая: «Искусство сновидения» (ударение на втором слоге).

Кастанеда утверждает, что человек в обычном состоянии постоянно ведёт в своих мыслях так называемый внутренний диалог. И вот, чтобы переключить своё сознание и обрести способность увидеть параллельные миры, необходимо остановить этот самый внутренний диалог или, проще говоря, избавиться от всех мыслей, которые в повседневной жизни постоянно «бомбардируют» наш мозг. Отключение мыслей и, следовательно, внутреннего диалога, вероятно, и открывает путь в нирвану. По крайней мере, так думаю я и, как известно, Карлос Кастанеда. Входя в такое состояние, у человека, по всей видимости, открывается всем известный третий глаз. И вслед за этим возникает способность отделять своё астральное тело от физического. Остановка внутреннего диалога, нирвана, третий глаз, выход в астрал — все эти понятия, как вы понимаете, тождественны по своей сути. Пребывая в астральном теле с изменённым сознанием, человек способен увидеть невероятные вещи, перенестись в далёкие отдельные реальности, в которых возможно исполнение всех желаний. Или, вернее сказать, не исполнение желаний, а материализация возникающих в мозгу мыслей. Стоит только представить, и тут же твоё изменённое сознание преподнесёт тебе на блюдечке то, что ты так страстно желал. Хочешь оказаться на Луне или повстречаться с любимой женщиной — пожалуйста, поверни только вектор своих мыслей в нужном направлении.

— Ну хорошо, допустим, то, что ты говоришь, существует на самом деле или, по крайней мере, с этим сталкивались названные тобой авторы книг, — не выдержал Андрей.

— Не только авторы книг, многие люди по всему миру описывали подобные вещи, — перебил его Михаил.

— Хорошо, многие люди, в отличие от меня, верят в это, и многие испытывали на себе нечто похожее. Скажи мне, пожалуйста, как всё это относится к Максиму? Он что, тоже был в нирване?

— Я не могу точно сказать про Макса. Я не специалист. Со мной такого никогда не было. Но я почти уверен, что Максиму каким-то образом удалось остановить внутренний диалог.

— Но как? У него что, какие-то способности?

— Может быть. Не исключено, что в таких вещах есть какая-то врождённая способность и особые свойства характера? Макс у нас вообще особенный, очень чувствительный по натуре и склонный к мистике. А теперь ещё и по уши влюблён в... Как говоришь, её зовут?

— Антонина Николаевна.

— Вот именно, в Антонину Николаевну, женщину, которая замужем и красиво поёт народные песни, — не без иронии в голосе произнёс Михаил. — И не забывай, что прошлой ночью он долго не мог заснуть. У человека в таком состоянии мысли проносятся в голове с необычайной скоростью, постоянно меняются, переплетаясь друг с другом. Может быть, в какой-то момент мозг, уставший от их бесконечного и утомительного потока, включает защитную реакцию, чтобы полностью избавиться от них, и ставит блок? Здесь очень важный момент! Ключевое слово — полностью, вернее, абсолютно избавляется от всех мыслей и на короткое мгновение оказывается в вакууме. Мыслей нет вообще. Полный ноль. А это есть не что иное, как остановка внутреннего диалога.

— Ну и дела! — многозначительно произнёс Андрей. А Михаил тем временем продолжил:

— Очень интересно, Максим, как ты описывал своё состояние. Сначала у тебя после отключения внутреннего диалога появляется нарастающий шум в ушах, потом ты чувствуешь, как твоё тело поднимается вверх, а затем ты открываешь глаза и видишь свою комнату, но в изменённом виде. При этом глаза твоего физического тела, естественно, закрыты. Но при этом ты всё видишь. И спрашивается: каким образом? Всё очень просто. У тебя открывается Третий Глаз. И ещё. Совершенно потрясающе, когда ты сказал о том, что энергия, наполнявшая тебя, давала способность реализовать любое желание. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Что именно?

— Ты с помощью этой энергии мог совершать всё что угодно! Например, вылететь из комнаты, беспрепятственно пройти сквозь стекло в окне и оказаться над замершей Невой или слетать куда-то далеко, в другой город. Но твои мысли по известной причине сконцентрировались на одном желании — увидеть любимую женщину. Вот оно и исполнилось.

— Ну ты, Мишань, даёшь! Сейчас всё это придумал? — воскликнул Андрей.

В отличие от него, Максим молчал, при этом не отрывая своего взгляда от Михаила, который, в свою очередь, не обращая внимания на реплики Андрея, продолжил:

— Причём, Максим, ты, надеюсь, понимаешь, что образ, возникший в кресле, нереален? Скажу больше: все слова, произнесённые им, — это продукт работы твоего мозга, но не того, который находился в тот момент в изменённом сознании, а настоящего, реального. Её одежда, украшения, причёска, поза и, наконец, круглые колени, которые тебя так возбудили, — всё это возникло из твоих фантазий и представлений о ней, находящихся в твоём сознании или, вернее, подсознании. Здесь трудно дифференцировать, поскольку это был не «сон разума», который, как известно, «рождает чудовищ», а *сновидение*. Ты находился в состоянии *сновидения*. Очевидно, тебе в какой-то степени теперь уже тоже подвластно это искусство, о котором так красиво нам поведал симпатичный мне Карлос Кастанеда. Вот как-то так.

Максим понял, что «мнение эксперта» закончилось и пора ему как-то отреагировать на сказанное. Тем более что оба собеседника недвусмысленно, молча уставились на него. Максим потянулся за кружкой пива, друзья последовали его примеру. Чокнулись. Закусили. Молчание продолжилось. Глубоко вздохнув, Максим спросил:

— Миш, я всё понял, вернее, многое из того, что ты рассказал. Скажи мне, пожалуйста, как ты считаешь, смогу ли я снова повторить такое?

— Ты имеешь в виду то, чтобы она к тебе вновь явилась?

— Ну и это тоже. Хотя я спрашиваю про выход в астрал.

— Думаю, что да. Для этого необходимо, чтобы тебя мучила бессонница, причиной которой явился бы определённый поток мыслей. Хотя не факт, что у тебя получится или, вернее, получится именно так, как прошлой ночью. Не может один и тот же сценарий всё время повторяться. Можешь, например, пожелать слетать к ней домой, посмотреть, как она там живёт со своим мужем и всё такое. Но только ты же понимаешь, что это будет параллельная реальность, а не та, в которой ты живёшь на самом деле? Может, у тебя и получится. Не исключено, что эти способности можно тренировать. Другое дело, зачем тебе это? Ты и так весь измучился. Стоит ли заикливаться на амурных делах и в угоду им так растрчивать своё умение? Используй своё искусство *сновидения*, если, конечно, это оно, для других целей.

— Каких?

— Ну, например, слетай в другие параллельные миры. Обрети новые, никому не известные знания. Ведь в состоянии *сновидения*, в отличие от простого сна, человек может управлять своими действиями! Безграничные просторы Вселенной становятся ему подвластны. Пусть это не наша реальность, но какая разница? Мы так завязли в своих повседневных делах. Ничего не видим, кроме работы и телевизора, по которому сплошная политика и пропаганда. Давно забыли, когда последний раз были на курорте. То коронавирус, то ещё что-нибудь. А здесь, пожалуйста, путешествуй в своё удовольствие: хочешь — в Турцию, а хочешь — на Мальдивы. А может, вообще в другое время перенестись? Может, и это возможно? В Средние века, в эпоху Крестовых походов или ещё подальше — во времена динозавров. А потом, полетав по разным мирам и в разное время, может, расскажешь нам или, ещё лучше, напишешь разные фантастические истории.

— Ну, Мишань, тебя понесло, — не выдержал Андрей. — Ты так расхвалил Макса, что он как будто не человек, а маг или, на худой конец, тибетский монах, решивший стать писателем.

— А что тут такого? Мы же не знаем, откуда у писателей в головах рождаются их рассказы и романы. Может, многие использовали в своём творчестве некоторые эзотерические способности, о которых мы не знаем? Я до сих пор удивляюсь, как писатели-фантасты умудряются выдумывать такие сюжеты. Откуда они черпают информацию? Не иначе как из снов. А может быть, многие из них просто владеют искусством сновидения?

— Мне, конечно, приятно осознавать, что я каким-то образом вошёл в состояние нирваны. Но не думаю, что это может часто повторяться или вообще ещё хоть раз произойдёт. Во всяком случае, то, о чём ты, Миша, говоришь (я имею в виду астральные путешествия и рождённые благодаря им рассказы), не может возникнуть слишком быстро, если вообще когда-нибудь возникнет. Повторяю, что это случилось со мной всего лишь один раз.

— Откуда такой пессимизм? Мне кажется, у тебя должно получиться. Я недавно говорил вам о сублимации любви. Вот здесь как раз подходящий случай. Энергия, которая тебя сейчас наполняет благодаря твоим чувствам, может быть использована в творчестве. Начни писать. А источником информации для тебя пусть будет твоя необычная способность. Надо только попробовать. И не откладывать в долгий ящик, пока чувства и рождённые ими мысли переполняют тебя. Андрюха, ты согласен?

— Ну да, конечно. Думаю, что у Макса должно получиться. Главное — захотеть! Может быть, всё, что с ним ночью произошло, — это подсказка к тому, как избавиться от безумной страсти. Можно стать рабом и полностью подчиниться ей, а можно использовать её в своих целях.

— А это мысль! Не думал, что ты, Андрюха, можешь сделать такой вывод, — удивлённо воскликнул Михаил. — Значит, не зря я весь вечер грузил вас книжными байками. Похоже, и на тебя подействовало. Ну что, Макс, ты на всё это что скажешь?

— Честно говоря, я не собирался вам ничего рассказывать ни про свои чувства, ни про «видение» — думал, что не поймёте, а ещё хуже — рассмеётесь, особенно в том, что касается «видения». А оно вот как получилось. По большому счёту, я не знаю, как быть. Если чувство

немного отпустит меня и я научусь, отключая внутренний диалог, входить в состояние сновидения, то, быть может, найду информацию для написания каких-то историй? Тем более что я недавно уже пробовал это сделать.

— Да ну! Неужели? И что это было? — спросил Михаил.

— Не хочу рассказывать, боюсь сглазить. Тем более забросил всё.

— Ну хоть намекни, что это: музыка, литература или... — недоговорил Михаил.

— Рассказ, вернее, сказка. Больше ничего не скажу, — ответил Максим.

— Ну ладно, не хочешь — не говори. Главное, продолжи то, что начал, а когда закончишь, мы с удовольствием прочитаем.

— Ага, так я вам и дал почитать.

— А что так? — улыбаясь, спросил Михаил.

— Как ты не понимаешь. Всё, что будет написано, — сплошное дилетантство. Если и буду писать, то только для себя, чтобы как-то отвлечься от того, что так мучает меня в последнее время.

— Ладно, ладно. Не хочешь — не надо. Дело твоё. Главное, не слишком фиксируйся на своей Антонине.

— Это уж как получится, — вздохнул Максим.

— А может, и не стоит так сразу отбрасывать мысли о ней? — вдруг спросил Андрей.

— Ты о чём, Андрюха? — удивился Михаил.

— Ну ты же сам говорил, что любовь или страсть стимулируют творчество. Что-то там про сублимацию любви нам вещал. Пусть он, наоборот, всё время думает о ней, заставляя своё сердце и разум тем самым создавать какие-нибудь вещи. Черпать своё вдохновение из любви и мысленно посвящать ей всё, что удастся создать.

— Неплохая мысль, Андрюха. Но я как раз об этом всё время и толкую. Ты не заметил? — спросил Михаил.

— Заметил, заметил. Просто самому захотелось это тоже сказать.

— Вот и славно, что все друг друга поняли! Ну что, ещё пивка?

— Нет, я, пожалуй, пас, — сказал Андрей. — А ты, Макс?

— Я тоже больше не буду. Пора закругляться.

Друзья позвали официанта. Затем по традиции скинулись деньгами по счёту и, надев верхнюю одежду, вышли из кафе. На улице был небольшой мороз. Фонари на Невском проспекте успокаивали своим задумчивым видом. Их тусклый желтоватый свет лениво играл с падающими снежинками. Настроение зимнего питерского вечера было созвучно чувствам Максима. Ему стало легче на душе. И не только от дозы выпитого веселящего напитка, но ещё от ощущения того, что приятные муки, которые он испытывал, не ослабли или усилились, а скорее приобрели другую окраску. Произнося про себя в очередной раз имя Антонины Николаевны, он не чувствовал боли. Вместо неё по телу растекалась приятная волна. Он пока не до конца понимал причину такой перемены. Чтобы как-то разобраться в ней, а вернее посмаковать и продолжить ею наслаждаться, он решил не ехать в метро, а пройти пешком по Невскому проспекту. Он попрощался с друзьями, поблагодарив за приятный вечер, и пошёл в сторону Александрo-Невской Лавры. Переходя площадь Восстания, Максим посмотрел на часы на башне Московского вокзала. Было двенадцать минут одиннадцатого. Прибывшие пассажиры с чемоданами на колёсиках неторопливо выходили из больших дверей вокзала. Кто-то направлялся к стоянке такси, но большинство из них, громко разговаривая со встретившими их родственниками и друзьями, шли к троллейбусной остановке. Когда Максим вышел на Старо-Невский проспект, то обратил внимание, что количество людей заметно уменьшилось. Он побрёл по тротуару мимо светящихся витрин магазинов и кафе, и мысли, которые благодаря суете возле Московского вокзала ненадолго оставили его, вновь вернулись к нему.

«А ведь они во многом правы. Может, не стоит так страдать из-за того, что ты не найдёшь ответного чувства? Может, просто любить и только от этого быть счастливым? И ещё радоваться тому, что любимый человек тоже счастлив, хоть и не с тобой, но всё равно счастлив. Способен ли он, Максим, на такое высокое чувство?» — спрашивал он себя.

Однозначного ответа у него не было. Но в одном он был почти уверен: он продолжит писать о Пилигриме. И ещё его не покидала мысль о том, что причиной этого вернувшегося желания была любовь. Пусть несовершенная, безответная и безысходная, но любовь! И во имя этой любви и исключительно благодаря ей он будет воплощать фантастические образы своих героев на бумаге. Да, именно так! Всё, что он в состоянии сотворить, он должен посвятить своей любви. Не любимой женщине, а именно чувству, которым наградила его судьба. И если у него получится, то это сможет возвысить его любовь, придать ей чистоты, красоты и благородства.

Увлечённый своими мыслями, Максим не заметил, как оказался на мосту Александра Невского. Дойдя до середины моста, он остановился, чтобы посмотреть вниз на замёрзшую Неву. Не увидев ничего, кроме серых ледяных наростов на поверхности реки, Максим посмотрел направо, где в слабом свете ночных фонарей виднелись купола Александро-Невской лавры. Застывшая красота ночного города со щемящей грустью отозвалась в чувствительной душе Максима. Он побрёл дальше по мосту, не уловив момента, когда в голове появились первые строчки возникшего из закоулков души стихотворения.

Замёрзшая река

*Опять декабрь сковал Неву в своих объятьях,
Накрыл речную гладь бугристой коркой льда.
Не в силах взгляд заворожённый оторвать я
От этой красоты, и вновь болит душа моя.*

*Но не хочу последовать возникшему томлению
В угоду прихотям чувствительной души.
Уж лучше заменить его природы умилением —
Украденной картины на мосту в ночной тиши.*

*Зачем опять лишать себя покоя?
Сдаваться в плен несбыточным мечтам?
Не лучше ль спрятаться под твёрдым слоем,
Как быстрая река, забыв тебя?*

*В лицо подул ночной холодный ветер,
Подслушав мои мысли и мечты.
Замёрзшая река и я, и больше никого на свете,
Лишь только музыка несбывшейся любви...*

Глава 11

Лёгкий приятный ветер разбудил Пилигрима. Когда он открыл глаза, то увидел, что сидит на земле, прислонившись спиной к дереву. Рядом щиплет траву его конь, а шатра, в котором его приютил Серафим, не было — он просто исчез, не оставив после себя даже следа от примятой травы. Пилигрим огляделся. Рядом на земле лежали лютня и походная сумка, а вместо меча он обнаружил удивительный по форме деревянный посох. Он был извилистым, с гладкой поверхностью, а верхушку его, в виде переплетённых высохших коротких веток, венчал многослойный полосатый камень красно-бурого цвета, идеально круглой формы. Пилигрим узнал свой сардоникс, который прежде был прикреплён к рукоятке его меча, но теперь он стал намного крупнее. Пилигрим дотянулся до посоха и ладонью провёл по глянцевой поверхности необычного пёстрого камня. Сразу же после этого перед ним всплыли ночные события и беседа с удивительным волшебником. От этих воспоминаний у него сначала потеплело внутри, но потом внезапно на душе стало тревожно. Он вспомнил, что ему предстояло прибыть в военный лагерь, а потом выступить в поход к границе, у которой расположился враг, угрожавший напасть на их страну. Пилигрим понимал, что может не успеть к назначенному времени и войско, не дождавшись, выступит в поход без него. Но не это было главной причиной его тревоги. Сама только мысль о войне вызвала нестерпимую боль в его изменённой после этой ночи душе. Нельзя было сказать, что он стал другим человеком. Он был таким и раньше — человеком любивым и самоотверженным. Но, подчиняясь общепринятым законам, присущим всем, он проживал свою жизнь так, как, по мнению большинства людей, и должен был проживать. Если надо было убивать во имя защиты своей страны, он, не задумываясь, делал это и, как остальные, не осознавал, что не только отнимает у кого-то жизнь, но и продолжает тем самым цикл нескончаемых убийств, начатый с эпохи зарождения человечества. «Может ли кто-то прервать этот чудовищный круг истребления человеком человека?» — спрашивал он себя. «Возможно ли появление того, кто с чистым и храбрым сердцем не побоится встать между Каином и Авелем? И если такое возможно, откуда этот избранный смельчак будет черпать силы для осуществления своего священного предназначения?» Именно эти сложные вопросы, свалившиеся на просветлённую голову проснувшегося на заре Странника, не давали ему покоя. Ответом на них были только звуки щиплющего траву коня и шум листвы одиноко стоящего дерева. Погружённый в свои мысли, Пилигрим прижался затылком к стволу дерева и закрыл глаза. Сразу же вслед за этим тихий ветер вдруг усилился и подул сильным порывом. От этого небольшая ветка отломилась от дерева, полетела вниз и ударилась о струны лежащего на земле музыкального инструмента. От неожиданного звука Пилигрим вздрогнул и открыл глаза. Ветка с зелёными листочками, подобно смычку скрипки, лежала поперёк лютни. Пилигрим аккуратно взял её в руки и прижался губами к зелёным листьям. От них шёл едва уловимый тонкий запах свежей листвы. Он взглянул на ветку и буквально в течение доли секунды успел заметить едва уловимое слабое сияние, исходящее от неё. Пилигрим невольно улыбнулся, ещё раз вдохнул запах молодых листьев и сунул ветку во внутренний карман своей одежды. Потом он взял в руки посох; ему снова захотелось дотронуться кончиками пальцев до притягивающего взор кристалла. И как только он прикоснулся к нему, сознание его изменилось. Сначала на мгновение вокруг возникла мёртвая тишина, после которой в ушах появился нарастающий шум морской волны. И в тот самый момент, когда шум полностью стих, он увидел перед собой лицо Серафима. Всё та же едва уловимая улыбка и проникающий в самое сердце взгляд синих глаз. Не размыкая уст, с помощью мысли, так же как и в прошлый раз, Серафим обратился к нему: — Коснись посохом сперва лютни, а потом ветки, упавшей с дерева.

Пилигрим в точности выполнил его указания. Сначала он коснулся лютни, после чего она сразу же засияла мерцающим светом оттого, что её металлические струны превратились в

тонкие золотые нити. Затем он вытащил из кармана ветку, и после того как дотронулся до неё сардониксом, она внезапно ожила и стала сказочным образом менять свою структуру. Гибкий стебель превратился в золотой, а тонкие, почти прозрачные зелёные листья стали твёрдыми, как изумруды, с золотистыми прожилками на их поверхности. После этого ветка начала сгибаться по окружности, пока окончательно не превратилась в венок, подобный тому, который когда-то носили римские патриции. Пилигрим в растерянности глядел на лежащие рядом волшебные предметы, всё ещё не зная, что с ними делать. Но голос Серафима снова подсказывал ему:

— Надень венец на голову, твой разум очистится и подскажет тебе правильный путь. Ты сможешь читать мысли других людей и передавать свои. Посох придаст тебе силы и стойкости и даст тебе защиту. Его камень, как ты уже понял, обладает магическими свойствами. Например, если у тебя возникнут вопросы без ответа, коснись камня и спроси. Способностей у кристалла много, о них ты узнаешь постепенно. Но главное, что он умеет, — это превращать злые сердца людей в добрые. И, наконец, лютня. Это твоё главное оружие! Если, конечно, можно называть оружием то, что является источником неисчерпаемой любви. Благодаря золотым струнам звуки, которые они будут издавать после прикосновения твоих пальцев, услышат на большом расстоянии. Сила голоса и слов песен в соединении со звуками лютни будет столь велика, что она сможет останавливать все распри и войны, которые попадутся тебе на пути, а также менять окружающий мир в зависимости от мелодии и слов песни.

— Я всё понял. Благодарю тебя, Серафим! Хочу спросить.

— Спрашивай.

— Увижу ли я тебя ещё когда-нибудь?

— Конечно же. Если я тебе понадобится, коснись рукой сардоникса на посохе и позови меня. А теперь прощай. И помни: только музыка, рождённая любовью, спасёт этот мир.

— Погоди, но я не знаю ни мелодии, ни слов к песне, о которой ты говоришь.

— Тебе помогут, — едва успел услышать Пилигрим. После этого виденье исчезло. Он аккуратно взял венец из изумрудных листьев в руки и медленно надел его. Сразу же вслед за этим его разум охватила никогда ранее не испытываемая ясность сознания и чистота мыслей. Одновременно он почувствовал твёрдость и уверенность в намеченной им цели, вернее, в своём предназначении. Эта решимость полностью избавила его от страхов и сомнений, которые сопровождали его всю прежнюю жизнь и так резко давали о себе знать несколько минут назад. Встав на ноги и оглядев себя с ног до головы, он увидел, что вместо прежней одежды на нём серый плащ с капюшоном из плотной непромокаемой ткани. После этого он с волнением перевёл взгляд на лютню. Она лежала на земле и, словно живая, звала и манила к себе. Он поднял её и, робко погладив по деревянной спинке, прижал к себе, сложил пальцы левой руки в аккорд и нежно перебором прошёлся по струнам. Первые громкие звуки нарушили тишину, царившую вокруг. Ветер сразу же затих, а удивлённый конь, стоявший рядом, поднял голову, взглянул на него большими подвижными глазами и несколько раз тряхнул ушами. Пилигрим снова присел у дерева и продолжил играть, наслаждаясь тем, как быстро и проворно движутся его длинные тонкие пальцы по грифу. Увлёкшись игрой, он от наслаждения закрыл глаза, вошёл в транс и поэтому не сразу заметил перемены, происходящие вокруг. А между тем было на что посмотреть. Ветер, притихший вначале, не только усилился, но и стал приобретать иную форму — воронкообразную. Чем дольше звучала музыка, тем сильнее становился ветер, вовлекая в себя сорванную им траву и полевые цветы, всё больше напоминая смерч. Вскоре он закружился вокруг дерева, под которым сидел ничего не подозревающий Пилигрим. Это кружение продолжалось до тех пор, пока смерч не увеличился в размерах и не набрал достаточную силу, чтобы накрыть играющего на лютне музыканта, медленно приподнять его над землёй и поплыть с ним по воздуху. Вначале Пилигрим находился внутри воронки, но затем, по мере движения, он стал приподниматься по вертикали, пока не оказался у её верхнего основания.

Смерч застыл, став своеобразным «троном» для музыканта, сидящего на нём в позе лотоса. В какой-то момент, ощутив чудом обрётённую невесомость, Пилигрим, не переставая играть, открыл глаза и увидел, что парит высоко над землёй. Рядом была верхушка дерева, под которым он ещё совсем недавно сидел. Можно было дотянуться рукой до зелёных, трепещущих от ветра листьев. Пилигрим вовсе не испугался, а, наоборот, наполнился восторгом от несравнимого ощущения лёгкости и свободы. Он понял, что даже без крыльев он, благодаря игре на волшебной лютне и с помощью ветра, может передвигаться по воздуху. Игра на волшебной лютне помогла ему обрести способность летать. Соединение силы природы и волшебного искусства может творить невероятные чудеса. Но насколько невероятные? Об этом ему ещё предстояло узнать. Пилигрим закончил игру. Звук струн ещё не до конца рассеялся вокруг, но смерч, постепенно теряя силу и высоту, медленно опустил своего господина на землю. Как только Пилигрим коснулся ногами земли, прежние мысли вернулись к нему. В них ещё не было окончательного представления о возложенной на него миссии. Он не знал в точности, каким образом её осуществить. Единственная уверенность была в том, что ему надо просто играть и петь, а остальное сложится само собой. Окрылённый этой уверенностью, без страха и сомнений, он закинул за плечо походную сумку и лютню, взял в руки волшебный посох, вскочил на коня и помчался навстречу манящей неизвестности.

Глава 12

В пятницу вечером Максим на машине возвращался с работы домой, когда зазвонил телефон. Максим нажал на кнопку громкой связи.

— Аллю!

— Привет, дядя Максим. Можешь говорить?

— Да, конечно, привет, Антоха. Как дела?

— Нормально. А у тебя?

— Тоже всё ничего.

— Ну и отлично. Слышь, дядя Максим, я завтра утром буду в Питере, мне нужно в Публичную библиотеку. Я пробуду в ней целый день, а потом заеду к тебе переночевать, если ты, конечно, не возражаешь. В воскресенье днём на «Сапсане» обратно.

— Конечно же, не возражаю. Неужели в питерских библиотеках есть то, чего нет в московских?

— Да, в том-то и дело. Мне для диссертации нужна одна статейка по кататонии. И её оригинал есть только у вас в «Публичке».

— А, понятно. Даже приятно такое слышать. Горжусь своим городом. А я-то думал, что самое лучшее только в Москве.

— Да брось ты. Не скромничай. Всем известно, что в Питере есть много того, чего нет не только в Москве, но и во всём мире.

— А, ну да, конечно. И что, например?

— Дядь, давай об этом при встрече.

— Ну хорошо. Что приготовить на ужин?

— Мне всё равно. Ну, если ты спрашиваешь, то тогда мясо и овощи.

— Понял. А пить что будем?

— Ты же сам знаешь, что к мясу идёт красное сухое вино.

— Да, знаю.

— А зачем спрашиваешь?

— Так, на всякий случай, вдруг ты захочешь чего-нибудь покрепче? К которому часу тебя ждать?

— Думаю, часам к шести вечера.

— Хорошо, договорились.

— Ну, тогда пока!

— Пока, до встречи!

У старшей сестры Максима в Москве было три сына. Младшему, Антону, недавно исполнилось тридцать лет. Он работал неврологом в клинике и собирал материал для кандидатской диссертации. Максим любил его. И раньше, когда он часто приезжал в Москву, ему нравилось с ним общаться. Антон был начитанным и всесторонне развитым молодым человеком. Он увлекался музыкой и классической русской литературой, был хорошим практикующим врачом и занимался научной работой. В предвкушении завтрашней встречи с племянником у Максима заметно поднялось настроение. «Надо завтра с утра заехать в гипермаркет и купить мяса, овощей, фруктов и бутылочку хорошего красного вина», — подумал он.

На следующий день Антон, как и обещал, пришёл к нему в районе шести вечера. У Максима уже был накрыт стол, на котором красовались салат с креветками и авокадо, мясная и сырная нарезки, бутерброды с красной икрой и чёрные маслины. Максим, как известно, был гурманом и к тому же любил приятно удивлять близких людей при встрече всяческими гастрономическими изысками. В центре кухонного стола элегантно разместилась бутылка красного сухого калифорнийского вина. В больших красивых фужерах отражался свет кухонной люстры,

а от говяжьих стейков, лежащих под крышкой сотейника, шёл неповторимый аромат, который так часто сводит с ума голодных мужиков.

— Ух ты, какой стол! И запах как во французском ресторане! Ну ты даёшь, дядя Максим! Как всегда в своём репертуаре! — воскликнул Антон, заходя на кухню.

— А ты что, так часто бывал во французских ресторанах?

— Если честно, то ни разу.

— Тогда откуда такие познания?

— Фантазии. Просто так вкусно пахнет, что у меня сразу возникли ассоциации, и первое, что пришло в голову, — это французский ресторан. Хотя можно было с таким же успехом вспомнить и про итальянский, в котором, кстати, я не раз бывал, если, конечно же, пиццерию можно назвать рестораном. Пойду помою руки.

— Ага, помой, а я пока откупорю бутылку вина.

Максим открыл бутылку. Потом вспомнил, что надо слить воду с картошки, которая уже сварилась, и помять её для пюре.

— О, пюрешка! И стейки из говядины! — восхитился Антон, приподняв крышку сковородки. — Кто тебя так научил готовить, Максим?

Антон, как, впрочем, и остальные его племянники, любили называть Максима просто по имени, без употребления пресловутого «дядя», то ли оттого, чтобы подчеркнуть свою взрослость, то ли для того, чтобы сделать Максиму приятное, подчёркивая тем самым, что он им почти ровесник.

— Жизнь научила. Давай садись уже за стол, всё готово. И что ты там говорил про фантазии? — спросил Максим, разливая вино по бокалам.

— Про фантазии? Да ничего особенного. Иногда люблю пофантазировать, — пожал плечами и поднося бокал вина к носу, ответил Антон. — У-у-у, какой запах! Обожаю сухое красное вино. Это французское?

— Нет, американское, глотни.

Антон отпил из бокала.

— Ну как?

— Очень приятное!

— Да, мне тоже оно нравится. Мягкое на вкус, вроде бы и сухое, но при этом ощущается сладковатость и нет никакой кислинки. Попробуй закусить сырком.

— Ага, — сказал Антон, нанизывая на вилку кубик сыра с плесенью. — Обалдеть! Просто фантастика. Я же говорю, как во французском ресторане.

— В котором ты никогда не был.

— Точно, — ответил, улыбаясь, Антон.

— Я, кстати, тоже никогда не был во французском ресторане, надо будет сходить и поесть устриц.

— Ты тоже любишь устриц? — удивился Антон.

— Я-то люблю и не вижу в этом ничего странного. А вот ты когда успел их полюбить? И, главное, где?

— Что значит «где»? С мамой были в рыбном ресторане. Ну, я и решил раскошелиться, чтобы удивить её.

— Ну и как, удивил?

— Да не очень. Она не поняла, в отличие от меня. Я-то был в диком восторге. С белым сухим холодным вином! Ничего в жизни не пробовал вкуснее!

— Ну, устриц у меня, к сожалению, нет, хотя, кстати, их можно было купить у нас в гипермаркете и не очень дорого, по 140 рублей за штуку. Не знал, что ты их любишь, а то бы купил для любимого племянника. Зато есть креветки в салате с авокадо. А устрицы как-нибудь

в другой раз, — сказал Максим. Ему сразу же вспомнился недавний разговор при встрече с друзьями в пивном баре, отчего выражение его лица стало задумчивым.

— Да не переживай. Я и креветки очень люблю. А устрицы всё-таки лучше пробовать в ресторане. Какие там они в гипермаркете, бог его знает. Ты, похоже, что-то вспомнил? — спросил Антон, уловив выражение лица своего дяди.

— Да, кое-что. Ты удивишься, но совсем недавно мне пришлось беседовать на тему устриц со своими старыми друзьями в пивном баре. Не думал, что мы с тобой тоже коснёмся этой темы. Как-то даже странно.

— А что тут странного? Мы с тобой во многом похожи. Ты разве не замечал? — спросил Антон.

— Ты имеешь в виду кулинарные предпочтения?

— Их тоже. Хотя я говорил о другом.

— О чём же?

— Ну, во-первых, мы с тобой врачи. Во-вторых, обожаем музыку и классическую литературу. А теперь, как выяснилось, ещё и любим устриц, — рассмеялся Антон.

— Да, пожалуй, ты прав, — ответил Максим, накладывая салат с креветками в тарелку Антона. — Ну, всё-таки родственники. Хотя с остальными твоими братьями у меня не так много общего. Может, это профессия ещё влияет? Всё-таки у врачей определённый кругозор, и они часто совпадают в своих предпочтениях.

— Не думаю, что очень часто. У меня на курсе были такие придурки. Процентов пятьдесят, наверное, вообще ушли из медицины. В основном в коммерцию. И как только у них это получилось — уйти совсем в другую область деятельности — ума не приложу. А ты, кстати, всегда хотел быть врачом?

— Хороший вопрос! Поначалу мне казалось, что всегда. А потом...

— Что потом?

— Ты знаешь, с годами на многие вещи начинаешь смотреть по-другому, — ответил, вздыхая, Максим.

— Что ты имеешь в виду? Надеюсь, ты не жалеешь, что выбрал именно эту профессию.

— Ты удивишься, но в последнее время меня посещают такие мысли. Иногда я думаю, что мог заниматься чем-нибудь другим.

— Быть поваром! Уверен, что у тебя получилось бы, — с улыбкой сказал Антон.

— Не знаю, поваром вряд ли, хотя я люблю вкусно готовить. А вот в музыке, может быть, и нашёл бы себя. Очень часто жалею, что бросил музыкальную школу. Но теперь уже поздно говорить об этом и гневить Бога. Всё же случается по Его воле. Не так ли?

— Безусловно. Только человеку очень трудно бывает смириться с этим вселенским постулатом. Проще начинать жалеть себя и, ещё хуже, винить кого-то или весь мир в своих неудачах и неосуществлённых целях.

— Однако, «слова не мальчика, но мужа», — удивлённо воскликнул Максим. — Не слишком ли рано ты стал произносить такие вещи? И, похоже, верить в них?

— А что тебя удивляет? Мне, между прочим, уже тридцать лет. До возраста Христа рукой подать.

— Да, время летит, и вчерашний юноша стал мужчиной, а недавний студент стал доктором. Давай налью тебе ещё винца под горячее, и мы выпьем.

— Наливай. За что будем пить?

— Я хочу выпить за тебя, Антон, и пожелать, чтобы ты как можно дольше любил свою профессию и никогда в ней не разочаровывался.

— Спасибо, а я за тебя, дядя Максим! И пожелать тебе того, чтобы ты, если даже и охладел к своей профессии, то пусть судьба подарит тебе то, чем ты мог бы заниматься с удовольствием.

Мужчины немного захмелели. И поскольку по природе были склонны к размышлениям, то совершенно не заметили, как затеяли философский разговор. Им было интересно вдвоём. И, несмотря на то что их диалог слегка напоминал беседу между учеником и наставником, в нём присутствовала некая гармония, которая часто возникает у родственных душ. А в том, что они являлись именно таковыми, не было у обоих никакого сомнения.

— Ну, рассказывай, как ты? Чем занимаешься?

— Да всё по-старому. Работаю, собираю материал для диссертации.

— Ну, это понятно. А кроме работы? Что делаешь в свободное время? Куда-нибудь ходишь?

— Да, хожу и, кстати, недавно был в Третьяковке на выставке картин Василия Верещагина.

— Ух ты! Ну и как, понравилось?

— Ты знаешь, слово «понравилось», мне кажется, здесь не совсем подходит.

— Почему?

— Потому что произведения талантливых художников не могут не нравиться. Другое дело — как ты относишься к их творчеству.

— Что ты имеешь в виду? — с интересом посмотрев на Антона, спросил Максим.

— Я попытаюсь объяснить. Ты же знаешь картины Верещагина. Он в основном предпочитал писать батальные сцены. Тема войны проходит через всё его творчество. В этот раз были выставлены серия картин «Варвары», «Туркестанский цикл».

— Помню, помню, «Апофеоз войны», — перебил Максим.

— Ну, естественно, эта картина из этого цикла. Вот ты спрашиваешь меня, понравилась ли она мне? Как можно конкретно, именно об этой картине сказать, понравилась она или нет? Я не знаю ответа. Могу лишь сказать, что она впечатлила меня до такой степени, что я несколько дней думал о ней.

— И что тебя так впечатлило?

— Неприкрытое, чудовищное варварство восточных народов! Их необузданная жестокость с отрубанием голов, появившаяся ещё со времён Тамерлана и сохранившаяся до описанных в цикле событий. Ведь поначалу картина называлась «Апофеоз Тамерлана». Говорят, что именно этот правитель заставлял из отрубленных голов собирать пирамиды. Ужас какой! Ты только представь: отрубать головы русских солдат, насаживать их на пики, выставлять их на общее обозрение, а потом складывать из них пирамиды. И знаешь, что меня ещё поразило? Вот мы всегда считали или, вернее, нам внушали, что русская армия во все времена была непобедима. И надо сказать, что поход на Туркестан закончился в целом нашей победой. Но вот по картинам Верещагина создаётся иное впечатление. Русский солдат тоже и очень часто погибает, оказавшись беззащитным. И его не просто убивают, а ещё потом и отрубает голову. Спрашивается, почему так происходит? Значит, не всегда правда на нашей стороне?

— Ты удивишься, но в своё время меня тоже впечатлила эта картина и многие другие по этой теме. Прежде чем ответить на твой вопрос, ответь мне сначала: ты помнишь надпись под картиной?

— Да, очень хорошо помню: «Посвящается великим завоевателям, прошлым, настоящим и будущим».

— Именно так. И что из этого следует, по-твоему? — вновь спросил Максим.

— Ты хочешь сказать, что всех завоевателей ждёт одна и та же участь?

— Не я, а Верещагин. Хотя я во многом с ним согласен, но что-то мне подсказывает, что участь завоевателей, о которых он говорит, может быть разной. Многие из них останутся безнаказанными, по крайней мере на этом свете. А вот участь народов, ввергнутых не по своей воле в войну, всегда одна и та же — гора из черепов. Это и есть апофеоз войны. Война сама по себе — явление отвратительное, жестокое, античеловеческое. И самое ужасное и несправед-

ливое состоит в том, что начинают войны правители, а отрубают головы и потом насаживают их на пики у бедных солдат.

— Но войны всегда были и будут, — заметил Антон.

— Увы, с этим не поспоришь. Христианская религия утверждает, что они возникли со времени изгнания из рая наших прародителей. С тех пор как люди познали грех во всех его проявлениях. И первое убийство было братоубийственным, когда Каин убил Авеля. А если так, то войны не закончатся никогда, поскольку человеку невозможно избавиться от грехов. Вначале — это жадность и зависть, а за ними следует более тяжкий грех — убийство. Кстати, по преданию, у Авеля не было детей, а это значит, что мы все — потомки Каина.

— То есть ты хочешь сказать, что война — это всегда зло и у неё не может быть оправданий? — спросил Антон.

— По сути, да...

— Сейчас, по-видимому, последует многозначительное «но»?

— Ты угадал. Но... не всё так однозначно. Я не сторонник радикального пацифизма, хоть и всегда выступаю за мир против войны. Бывают моменты в судьбах народов, когда надо защищать свою землю, свой родной дом и своих близких. Тогда война, в которую людям приходится вступать, становится священной. Ну, как ты понимаешь, это всем понятно и не мною сказано. Но всё-таки, если есть хоть малейшая возможность избежать войны, надо всеми способами её использовать. Не поддаваться провокациям извне и не ввязываться в войну, особенно против братского народа, потому что цена слишком велика. Помнишь: начинают войну правители, а погибают...

— Солдаты, — закончил начатую фразу Антон.

— Ты знаешь, я вдруг вспомнил фразу из великолепного фильма Никиты Михалкова «Пять вечеров». В этом фильме, кстати, звучит один из моих любимых ноктюрнов Шопена. (*музыкальный фрагмент*) По-моему, двадцатый, если не ошибаюсь. Так вот, мне вспомнился момент, когда героиня Людмилы Гурченко проникновенным голосом и с болью, каким-то полужёпотом, так, как может сказать только русская женщина, пережившая войну, произносит несколько раз невероятную по своей силе фразу: «Только б не было войны! Только б не было войны!» Эти слова в фильме прозвучали как обращение к Богу. И казалось бы, всё верно, всем всё понятно. Зритель по эту сторону экрана абсолютно согласен с ней. И все согласны и уверены, что мы никогда не допустим этого, потому что слишком много потеряли в последней войне. А что в итоге? В итоге мы имеем то, что имеем. Произошло невообразимое, невысказанное! Но всё-таки произошло. Так же гибнут простые солдаты, совсем ещё мальчишки, и неважно, какой они национальности. И так же, как и всегда, несчастные матери, потерявшие своих сыновей, получают в лучшем случае их тела, а в худшем — эти ужасные похоронки.

— Но ты же понимаешь, что у нас не было выбора, — осторожно спросил Антон.

— Выбор есть всегда! Так, кажется, модно сейчас говорить, — с грустной улыбкой ответил Максим. — Но теперь уже поздно сотрясать воздух словами. Что сделано, то сделано. И только история расставит всё по своим местам. Но когда это будет? И сколько мальчиков не вернётся домой?

— И что же теперь остаётся делать? — всё так же негромко спросил Антон.

— Как всегда, всё то же, что издревле делали на Руси. Молиться за всех тех, кто на фронте, и надеяться на чудо, благодаря которому всё это скоро закончится, — с печалью в голосе ответил Максим. — Может, хватит о грустном? Давай сменим тему. Мы совсем забыли про горячее. Ты любишь стейк из мраморной говядины?

— А кто его не любит? — усмехнулся Антон. — Особенно под красное вино и маслины.

— Ну и отлично. Давай будем есть мясо с маслинами и запивать красным вином.

— Может, наоборот: пить вино и закусывать мясом?

— А какая разница?

После услышанной фразы Максим рассмеялся.

— Чего ты смеёшься? — удивился Антон. — Есть разница?

— Абсолютно никакой. Просто после твоей фразы я снова вспомнил эпизод, но теперь уже из другого фильма — «Брат 2», но только в этот раз не грустный, а смешной. Смотрел его?

— Я знаю, что твоему поколению очень нравился этот фильм. Я смотрел его, но как-то он меня не особо впечатлил. Ну, какой эпизод?

— Я слышал, что современной молодёжи не очень понятен этот фильм. Но сейчас не будем об этом говорить; в конце концов, у каждого поколения свои кумиры, хотя и бывают исключения, когда идёт речь о так называемой классике, которая понятна всем.

— Ну, не томи уже. Какой эпизод?

— Да и вправду, — согласился с ним Максим и продолжил. — Ну так вот. Цитирую героя актёра Сухорукова, который писклявым голосом говорит: «Не-е-е. Киркорова я не люблю. Слащавый он какой-то. Одним словом, румын». На что ему Ирина Салтыкова удивлённо отвечает: «Вообще-то он болгарин». И в ответ слышит: «А какая разница?».

После рассказанного эпизода Антон с Максимом одновременно рассмеялись.

— Да, смешно, — произнёс Антон. — Хотя и обидно, наверное, для Киркорова.

— Не думаю. Ему всё нипочём. Ну как мясо?

— Очень вкусное. И совсем не жёсткое. Классно ты готовишь!

— Да ладно. Ничего особенного. Всё очень просто. Нужно купить хорошее мясо, лучше на рынке (правда, это из гипермаркета), хорошенько его отбить, посолить, поперчить и, самое главное, не пережарить.

— Понятно. Вот ты говоришь, что нам всем надо молиться, — вдруг неожиданно Антон вернулся к прежней теме разговора. — И ты, я знаю, верующий человек. Но скажи мне, пожалуйста, что, по-твоему, означает верить в Бога?

— Ну ты даёшь! Ничего себе «переход» на другую тему. Мы же про мясо говорили, — поднял вверх брови Максим.

— Беру с тебя пример. Ты так же резко недавно сменил тему. Помнишь? И ещё мне показалось, что наш предыдущий разговор остался незаконченным. И вообще, когда мы с тобой ещё поговорим на такие темы? Встречаемся редко. А о рецептах приготовления блюд я и в интернете могу прочитать.

— Тема очень серьёзная. Может, даже самая главная в жизни. Во всяком случае, для меня. И просто так, двумя словами её не раскроешь. Тем более что я в точности не знаю ответа на твой вопрос. И думаю, что мало кто знает. Могу лишь очень деликатно высказать своё мнение.

— Ты всегда всё делаешь и говоришь деликатно, дядя Максим.

— Прекрати, твои комплименты излишни, тем более что я уже согласился высказаться на этот счёт. Но только при одном условии.

— При каком?

— Всё, что я скажу, не должно восприниматься тобой как руководство к действию. Это лишь мнение одного человека. У тебя на этот вопрос должен быть свой ответ. Причём, мне кажется, тебе его должен подсказать не разум, а сердце. Тем более что мои мысли на этот счёт могут тебе показаться, ну, если не кошунственными, то очень приземлёнными. А мне бы этого не очень хотелось.

— Хорошо, дядя, я постараюсь выполнить твоё условие.

Максим пригубил вина и, не закусывая, внимательно посмотрев на Антона, стал говорить:

— Вот ты назвал меня верующим человеком. Но это не совсем верно.

— Это почему же?

— Потому что я не верующий, а только лишь пытаюсь научиться верить.

— Это как?

— Понимаешь, в чём дело, Антон, вера в Бога у многих людей, да что там у многих, у основного количества живущих на земле, так же как и у меня, не совсем совершенна. Ты, наверное, решишь, что этой фразой я ничего нового не сказал. И будешь прав. Но вот что я имел в виду. Источником веры у таких людей, как известно, является заложенный в них много веков назад, можно сказать, на истоке зарождения религии, природный страх. И он до сих пор в них остался. И вряд ли когда-нибудь исчезнет. В медицине, как известно, его называют фобией. Человек с самого начала своего появления на земле, будучи слабым и беззащитным перед окружающим миром, боялся всего на свете. Страх полностью овладел им, сделав послушным рабом. Кто-то боится остаться бедным, кто-то — заболеть, кого-то пугает одиночество, а кого-то — неразделённая любовь. Многие хронически беспокоятся за близких и родных, кто-то боится за свою страну, и все поголовно боятся смерти. Количество этих самых многообразных фобий неисчислимо. Вот, например, мы с тобой беспокоимся за своих пациентов. И хорошо, если бы причиной этому был наш альтруизм, но, к сожалению, чаще всего нами руководит не он, а так называемая пресловутая ответственность, а проще сказать — страх того, что с ним, с пациентом, может что-то случиться, а нам за это отвечать. А вот ещё совсем нелепый страх, связанный с нашей работой. Нам очень важно, что о нас скажут коллеги. Мы даже этого боимся, поскольку нас с детства учили быть во всём примерными мальчиками, не делать ошибок и не быть похожими на соседского непослушного хулигана. Одним словом, страх испытывают все. Из маленьких страхов со временем вырастают те, что побольше. Так уж устроена природа человека, и с этим приходится смиряться. Всё было бы ничего, если бы не одно обстоятельство, а именно: все испытывают страх, но никто не желает ни себе, ни кому-либо в этом признаться. Ну конечно, кому охота, чтобы его считали трусом! Так и живёт человек, скрывая свои страхи от окружающих и пытаясь в этом обмануть и себя, при этом испытывая мучительное желание избавиться от них или как-нибудь заглушить их. И вот тогда он начинает обращаться к Богу, молиться Ему в полной уверенности, что Тот поможет ему, избавит от тревог, печалей, страхов. Бог услышит его, и тогда всё будет хорошо, все будут здоровы, на работе всё будет «в порядке», война скоро закончится, бедность не грозит и так далее. Рассуждая таким образом и не сознавая, что впадает в глубокое заблуждение, человек называет себя верующим и пытается убедить в этом окружающих, не замечая того, что становится обыкновенным ханжой. В этом вся суть. Человек, который испытывает страх, молясь при этом Богу, на самом деле не верит в Него. Потому что забывает одну из самых важных православных истин и изречений: «На всё воля Божья!» Помнишь в «Отче наш...» — «...да будет воля Твоя...» Человек произносит эти слова и в то же время не перестаёт бояться. Так какая же это вера, если ты не отдаёшься полностью воле Божьей?

— Ты так подробно и чётко об этом говоришь, словно сам всё это испытываешь.

— Так оно и есть. Мне, как и всем, бывает порой очень трудно и почти невозможно освободиться от страха, стать свободным от него в угоду Богу, тем самым дать ЕМУ знак о том, что верую в НЕГО и верю в то, что на всё ЕГО воля!

— Так что же, получается, верить по-настоящему невозможно, поскольку нереально избавиться от страхов? И из этого, стало быть, следует, что настоящих верующих не существует?

— Слава Богу, что не всё так печально. Истинных верующих, если считать на душу населения, конечно же, очень мало, но они были и есть, и, надеюсь, будут.

— Кто же это?

— Это все святые угодники, жившие на Руси, которые закончили свой земной путь, но, несмотря на это, продолжают молиться за всех нас, грешных, будучи на небесах. Вот им вера помогла избавиться от страхов. Они стали истинно верующими и позднее были причислены к лику святых.

— А среди живущих людей могут быть истинно верующие?

— Конечно!

— И кто это?

— Старцы, монахи. Во всяком случае, они намного ближе подошли к вере, чем мы с тобой. По-моему, это самые сильные духом и самые светлые душой люди! И мы можем только мечтать быть похожими на них, если, конечно же, захотим этого. Но чаще всего мы этого не хотим или, как ты уже понимаешь, просто боимся. Кстати, вот ты недавно упоминал Третьяковскую галерею и картины Верещагина. Мне вдруг сейчас, в тему нашего разговора, вспомнилось другое великое произведение искусства, которое ещё совсем недавно находилось в Третьяковке, а теперь находится в Троице-Сергиевой лавре под Москвой.

— Я, кажется, догадываюсь, о чём ты говоришь. О «Святой Троице» Андрея Рублёва?

— Точно! О ней, родимой! Ведь она первоначально, на протяжении пятисот лет, находилась в храме сразу же после написания её Андреем Рублёвым, а потом, когда большевики пришли к власти, они распорядились перенести её в музей. Но теперь она снова там, где и должна была быть. Ведь преподобный Андрей Рублёв писал эту икону специально для великого русского святого Сергия Радонежского, и где же ей быть, если не в одном из почитаемых храмов России? Хотя, помнится, было очень много споров по этому поводу. Говорят, что мнение людей разделилось поровну. Одни считали, что для сохранения иконы ей лучше находиться в созданных специально для этого условиях, а именно в музее, другие, как ты понимаешь, отстаивали другую позицию, уверяя, что место иконы — в храме.

— А ты как считаешь, дядя Максим?

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать историю её написания, в какое время и как она была создана. Ты знаешь, всё, что касается этого творения, а по-другому невозможно его назвать, вызывает у меня какое-то глубокое и светлое чувство. И я уверен, что не только у меня. Глядя на неё, возникает ощущение (по крайней мере, лично у меня), что в мире ничего лучшего, созданного рукой человека, не существует. Ты, конечно же, можешь возразить, приводя в пример великие творения итальянцев и фламандцев эпохи Возрождения. И с этим трудно спорить. Но мне кажется, что сравнивать шедевры Леонардо, Рафаэля или Рубенса с этим чудом древнерусского искусства ни в коем случае нельзя. И не только потому, что это два совершенно разных вида живописи, хотя и создавались примерно в одну историческую эпоху, но и потому, что Мадонны итальянцев были созданы гением человека и потому несут в себе исключительно человеческую или, как принято в таких случаях говорить, эстетическую красоту, имеют, так сказать, светскую направленность. Когда же смотришь на «Троицу» Рублёва, то всем своим существом понимаешь и чувствуешь, что рукой монаха-иконописца управлял сам Господь: настолько она проникает в твоё сердце, волнует твою душу и осветляет разум. Этот феномен воздействия, безусловно, относится ко всем его произведениям и вообще ко всем древнерусским иконам. Хотя, быть может, такое влияние они оказывают только на православных людей? И ещё: картины европейских художников эпохи Возрождения, как правило, писались с натуры, а древнерусские иконы были сотворены иконописцами по образу, которого они не могли видеть в реальной жизни, но который был подсказан им Святым Духом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.